



Протоиерей Сергей Платунов,
В.С. Платунов



СКАЗАНИЕ
О ТРИФОНЕ
ПЕЧЕНГСКОМЪ



ПСКОВ
2011

ББК 86.37
ПЗ77

*Издание второе,
переработанное и дополненное*

Протоиерей Сергей Платунов, В.С. Платунов.
«Сказание о Трифоне Печенгском». – Псков:
Издательство ООО «ЛОГОС Плюс», 2011. –
216 с.

© Протоиерей Сергей Платунов, 2011

© В.С. Платунов, 2011

ОТ АВТОРА

**Дорогие во Христе братья и сестры,
всечестные отцы!**

Прошу простить нас грешных, дерзнувших взяться за сей ответственный труд по написанию стихотворного жития преподобного Трифона Печенгского, за непрофессиональный стиль изложения и некоторые вольности, присущие художественному произведению. Да, мы не профессионалы, а любители. Любители, такие же, как и многие из вас, этого великого северного подвижника, Это не удивительно, но вполне логично, ибо Преподобный Трифон Печенгский, просветитель лопарей Кольского Севера, всегда был главным и самым почитаемым Святым Мурманского края. Всяк православный житель этого заполярного края знал о нем и обращался к нему за помощью.

За долгое время моего священнического служения я неоднократно получал от этого святого помощь в сложнейших ситуациях. В благодарность ему за его попечение, и решил я написать житие Святого Преподобного Трифона Печенгского в стихотворной форме.

Его же труды – это более великий и самоотверженный подвиг, ибо он совершался не для славы мира сего, но для славы Божьей и был спасительным для многих тысяч душ человеческих.

Предварило это непростое решение благословение свыше, о котором я пока умолчу, но которое постарался исполнить вместе с моим сыном и с помощью Божьей. Первоначальный небольшой стих вырос в процессе работы в двух томную поэму. Мы поведаем нашим православным читателям о том, кто же был тот таинственный герой монах, ко-

тогого финны именуют «Росомахой», что покарал главаря финских разбойников Пеку Весайнена. Расскажем об истинной причине хождения в Москву к царю Иоанну Грозному преподобного Трифона Печенгского и Соловецкого инокa. Откроем причины «непонятного» поведения Варлаама Керетского на ужасном пути его искупления и многое, многое другое, что открылось в процессе творческой работы. Всякий раз я обращал взор на старинную икону Трифона Печенгского, которую пожертвовал мне неизвестный мужчина на следующий день, после написания начального стиха об этом великом угоднике Божьем. Я чувствовал его незримое, но вполне реальное присутствие, которое подвигало меня не отступать от возложенного послушания. В нужный момент Господь послал нам благочестивых людей, поспособствовавших нам в издании сего труда, усердие которых, как и ваши труды по прочтению «Сказания» не будут забыты этим великим в своей скромности и смирении Святым.

**Да пребудет на всех нас Божье Благословение
по молитвам Преподобного Трифона Печенгского –
просветителя Кольских лопарей!**

ПРЕДИСЛОВИЕ

«И пыль веков от хартий отряхнув,
правдивые сказанья перепишут...»
(А.С. Пушкин «Борис Годунов»).

Жизнь человека в этом многогрешном мире достаточно сложна и противоречива не только из-за слабости человеческой природы, но и по причине многочисленных и коварных искушений со стороны лукавых духов, осложняющих ее. Поэтому, часто зная о том, «что такое хорошо и что такое плохо», мы не доброе творим, но злое, ибо это является следствием наших страстей и инстинктов, унаследованных нами от наших несчастных предков и умноженных нами многократно в своей жизни. Нам очень неприятно осознавать это и с этим соглашаться, ведь нам внушалось, что «человек — это звучит гордо» и что мы сами являемся творцами своей судьбы! Такова логика тех слепцов, что не только не желают знать Бога, но и не допускают мысли о Его творческой роли в судьбе мира. Тогда остаются неверы один на один с мощнейшими силами тьмы, которые и приведут их к вечной смерти в глубинах адских. Человек же верующий осознает свои прегрешения и в них кается, прося помощи у Того Единого, кто может не только грехи простить, но и дать силу с ними бороться. Только Благодать Святого Духа может попалять силу вражью и разрушать все ее коварные козни. Что нам мыслить о себе, если сам первоверховный апостол Павел сетует в своем «Послании к римлянам» на свою немощь и греховность: «...я *плотян, продан греху. Ибо*

не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех». (гл.7 ст.14,15,17,19, 20).

Таким образом, мы должны понимать, что не имея помощи Божией, мы не сможем уберечься от греха. Праведность даруется Господом за многие труды, молитвы и аскетические подвиги во славу Божию, чего сподобились немногие подвижники и мученики, именуемые святыми и служащие нам не только образцом поведения, но и путеводителями в Царствие Божие. Они являются ходатаями за нас пред Богом, и мы должны свято чтить их память. Всякий православный христианин принимает это как неоспоримую истину. Однако, к великому сожалению, продолжают попытки очернения деяний и подвигов святых Божьих угодников. Неважно, по каким соображениям это делается: из стремления ли переосмыслить с критической позиции житие Святого для «научного труда», или из желания перекроить историческое прошлое нашей церкви в пользу иноверцев, чей кровавый след в истории так режет взгляд современного просвещенного человека, или по иным причинам, но это совершенно недопустимо. Печально то, что не смотря на очевидность происходящего для абсолютного большинства верующих, воспрепятствовать подобным «ревизиям» на практике очень сложно.

Попытки и реальные перекраивания житий святых, в том числе и Преподобного Трифона Печенгского, канонизированных православной церковью и помещенных в

«Четьях mineях» Святителя Дмитрия Ростовского, предпринимались достаточно давно. О том писал еще великий Пушкин: *«И пыль веков от хартий отрянув, правдивые сказанья перепишут...»* («Борис Годунов»).

Попытка привнести в житие Трифона Печенгского басню о его якобы разбойном прошлом, с целью очернения великого подвижника, была предпринята норвежским профессором Яном Фриссом, сочинившим романтическую историю о трагической любви Трифона и Елены с последующей трагической ее развязкой. Надуманность этой басни, не имеющей под собою никакого основания, была настолько очевидна, что сразу же была поставлена под сомнение дореволюционными историками как «вымысел Фрисса как романиста» (Филипов А.М. Рецензии. СПб.1902 г.).

Басня эта вызвала законное возмущение в среде верующих и не могла остаться без ответа со стороны Церкви. Подкрепляя опровержение историков, авторитетнейший знаток церковной истории в Северных землях России, исследователь истории Трифоно-Печенгского монастыря архимандрит Никодим Кононов ответил достаточно четко и жестко: *«Что ни слово – ложь! Виден шведский первоисточник»*.^{*}

Таким образом, Церковь и историческая наука совместно отразили этот навет решительным разоблачением сего посягательства на память Святого.

Казалось бы, сей вполне закономерный провал западных «доброхотов» по перекройке жития святого Трифона должен был поставить точку в их «трудах».

^{*} Игумен Митрофан Баданин «Преподобный Трифон Печенгский» стр. 66.

Однако начало третьего тысячелетия ознаменовалось новой попыткой его «переосмысления».

Иеромонах Митрофан Баданин, являющийся председателем комиссии по канонизации святых Мурманской епархии, много потрудившийся над сбором информации о подвижниках и мучениках земли Кольской, явил Церкви имена целого Собора Кольских святых.

Свое, несомненно, богоугодное дело он совершил с помощью иностранных друзей, предоставивших ему свои исторические источники.

Так стали известны имена мучеников Трифоно-Печенгского монастыря, пострадавших от рук финского разбойника Пекки Весайнена. Стали известны и другие «подвиги» этого злодея, разграбившего и сожегшего не только многие поморские поселения, но и уничтожившего два главных монастыря Кольской земли. Конец злодеяниям разбойного атамана положил русский инок по прозвищу Росомаха, поразивший его во время бегства всей многочисленной банды, после ее сокрушительного поражения в первом же открытом сражении с гарнизоном Кольского острога. Для нас абсолютно непонятно и необъяснимо то, что сейчас Весайнен прославлен в своем краю как «победитель Русского медведя» и увековечен в памятниках... Скорее всего, современные финны совершенно не ведают всей правды о «героических подвигах» своего древнего предшественника.

Возможно, общение с современными финнами, вполне благожелательными и ничем не напоминающими своих разбойных предков, побудило в о. Митрофане желание пересмотреть историю края и его Святых, в частности, переписать Житие Трифона Печенгского

в свете скандинавских выдумок. Ему удалось убедить даже правящего архиерея, прежде благословлявшего издание жития Преподобного Трифона по варианту, основанному на «Четьях mineях». Без этой могущественной поддержки он не смог бы выстоять против бури протеста со стороны православных верующих, которых возмутило сие «творение».

Постепенно изменилась и тональность книг о Митрофана. Если первая его работа пестрит робкими предположениями: «надо полагать, возможно, можно предположить, очевидно...» и так далее, то в последующих своих книгах он становится все более и более уверенным и даже безапелляционным, дерзает ставить под сомнение и отвергать всеми признанные документы, труды и мнения авторитетных профессиональных церковных историков, трактуя их так, как это угодно ему. Для достижения своей цели и доказательства правоты скандинавской версии, он прибегает к выбору нужных ему для того, весьма сомнительных, источников и отвержению истинных. Так, например, отечественные православные источники, безоговорочно всеми признаваемые, он называет «информацией из третьих рук». Выдумки же западных источников – романиста Я.Фрисса и голландского шпиона и врага России Симона Ван Салингена, выдаются им за уникальные исторические документы, источники неоспоримой истины, и именуются «даром Божиим»!

Богатейшая информация, собранная Салингеном, этим современником Трифона, в течении 20 лет жившим в Русской Лапландии и являвшимся очевидцем истории строительства древнего монастыря на Пе-

*ченге, столь уникальна и авторитетна, что наша задача на сегодня – в полной мере оценить этот очевидный «дар Божий».**

Самым авторитетным отечественным источником, не вызывающим у о. Митрофана никаких сомнений, на основании которого он делает свои выводы, является сочинение князя А. Курбского «История о великом князе Московском». Некоторые историки пытались сделать из него диссидента, оппонента царю Иоанну Грозному, однако, современные объективные и авторитетные исследователи его дел и слов, выявили лукавство и лживость этого «либерала», предавшего Родину, лично наводившего разбойные отряды польских войск на земли русские. Высокородный вельможа не был обделен царской милостью и имел обширные и богатые владения. В государстве Российском он всегда занимал высокие посты, был членом Избранной Рады, в походах был воеводой. Однако, ни высокие почести и власть, ни громадные вотчинные богатства не смогли утолить его непомерную гордыню и алчность. Он начинает переговоры с польским королем, шведами и ливонцами – врагами России, продает им интересы государства, своих воинов, которые гибнут тысячами из-за его предательства. Почувствовав угрозу разоблачения, он бежит, бросив семью, и прихватив только самое ценное для «нестяжателя» – мешки с золотой монетой. После бегства в Польшу, князь Курбский начинает открытую войну с Россией, наводя врагов, уничтожающих русские селения, храмы и монастыри. На совести этого негодяя ты-

* Игумен Митрофан Баданин. «Преподобный Трифон Печенгский» стр. 68.

сячи христианских жизней. При этом этот лицемерный писака пишет письма и «Истории», преисполненные клеветы и показного благочестия. Современные историки разоблачают его на основании многочисленных документов, однако встречаются его апологеты, обманывающие и себя и других. Об этом «авторитетном источнике ценной информации» мы еще поговорим в тексте книги и приведем соответствующие подтверждения своих слов. Нельзя забывать о том, что к истине ведут только правые пути, путями лукавых советников можно лишь заблудиться и придти к гибели.

Пытаясь отвратить о. Митрофана от этого заблуждения, чреватого пагубными последствиями для многих новоначальных верующих, я неоднократно беседовал с ним и спорил. Возможно, в моих доводах тогда было больше эмоций, чем веских аргументов, поэтому они оказались неубедительными для него. Позиция владыки была обозначена тоже достаточно четко и неизменно. Он объявил, что новый вариант жития Трифона более душеполезен для верующих, ибо святость человека благочестивого, ставшего великим подвижником, вполне понятна и закономерна. Здесь Господь вознаграждает по заслугам и трудам. Святость же бывшего разбойника и пьяницы, сумевшего, с Божьей помощью, преодолеть свои пагубные привычки и страшные грехи, через раскаяние и труды многие на ниве Христовой, более полезна для обретения надежды на спасение всем верующим, так как являет неизреченное милосердие Господа к нам, грешникам.

В этой небольшой книге мы постараемся не только прославить Преподобного Трифона Печенгского

и явить новые стороны его подвигов во главе благочестивой монастырской братии, но и попытаемся доказать правоту подвижников – архимандрита Сергия Шелонина, насельника Соловецкого монастыря; Никодима Кононова, ставшего в последствии епископом Белгородским и просиявшим в сонме новомучеников и, конечно же, Святителя Дмитрия Ростовского. Может быть, нам удастся с Божьей помощью, переубедить и отца Митрофана Баданина, человека далеко не глупого, во благо его самого и вверенной ему паствы. Надеемся, что мои возражения и доводы он воспримет правильно, по-братски, и не обидится на высказанную в книге критику в адрес его трудов, ибо делается это во славу Божию и из желания восстановить истину.

Мы также попытаемся в этой книге кратко описать историю просвещения Северных земель и назвать имена главных православных подвижников, в том числе и Кольских, имена коих были покрыты завесой забвения. Заранее скажем, что наш труд не претендует на звание научно-исторического, хотя и содержит ряд новых исторических сведений из множества разрозненных источников, проанализированной и обобщенной информации. Он только служит обоснованием для написанной нами поэмы, являющейся стихотворным житием Кольских Святых. Надеемся так же и на то, что наши читатели найдут в нем много неожиданного и полезного для своего духовного роста.

**Помоги нам всем
Господь Бог и Пресвятая Богородица
по молитвам всех Кольских Святых!**



ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ ПОДВИГОВ И ЖЕРТВ

ЧАСТЬ 1

Миссионеры Севера





Набеги викингов



ЧАСТЬ I

Миссионеры Севера



Уроки истории

История всегда привлекала внимание живущего человечества и обогащала его жизненный опыт знаниями многочисленных великих цивилизаций и народов, отошедших в мир иной.

История всего человечества состоит из историй жизни многих людей, но выделяются в ней лишь выдающиеся личности, сумевшие повлиять на ход ее. Каждый человек по сути своей является творцом истории, пусть только ее мельчайшей части, которая не будет помещена в учебники, но внесет свою лепту в украшение или же в очернение ее плодов. Поэтому мы всегда должны помнить о том, что несем ответственность за свои неблагоприятные

слова и дела, ибо они оказывают негативное влияние на будущее не только наших потомков, но и всего мира.

История всегда проистекает из владений прошлого, находящегося в области памяти, и служит основанием для построения будущего. Поэтому нам, находящимся на тончайшем стыке прошлого и будущего, именуемом временем настоящим, нужно помнить о творческой сути этого временного отрезка и стараться оказать благотворное влияние на формирование нашей судьбы и всего будущего в целом.

История христианизации северных земель и народов их населявших – это чаще всего лишь тончайшая цепочка обрывистых свидетельств о происходивших в те далекие времена событиях и деяниях святых мужей. Ее можно сравнить с видимой частью сокрытого во глубине океана времен айсберга или с малым лучиком света, пробившимся сквозь непомерную толщу облаков забвения. Насколько сложно нам представить по этому лучику картину играющего мощным излучением светового потока небесного светила – Солнца, на голубой лазури небосвода, настолько сложно воссоздать всю истинную картину прошедших событий, без искажений субъективного восприятия и политических пристрастий. Поэтому нам так дороги те крохи сохранившейся исторической канвы прошедших

веков, для попытки воссоздания всей картины тех времен. Особенную ценность для всякого верующего человека представляют жития святых угодников Божьих, которые примером своих деяний и словес научают нас искусству спасения среди бушующего океана страстей и бед. В ходе повествования мы коснемся душеполезных страниц житий нескольких святых подвижников, имеющих непосредственное отношение к подвигам преподобного отца нашего Трифона и его учеников.

СПОРНЫЕ ЗЕМЛИ

История подвигов Преподобного Трифона Печенгского, его учеников и соподвижников происходит в 16 веке на землях Кольского Заполярья, но истоки ее зарождались во времена значительно более ранние. Чтобы лучше и полнее осознать величие их подвижничества, необходимо обратиться к истории русского православного аскетизма вообще, и из всеобщей картины выделить апостольские труды Преподобного Трифона в землях Кольского Севера.

Эти отдаленные и малонаселенные суровые земли северной окраины Европы, богатые лесным и морским зверем, речной и морской рыбой, всегда привлекали к себе внимание ближних соседей.

С одной стороны это были скандинавские государства: Дания, Швеция, Норвегия, с другой стороны вставал Господин Великий Новгород, интересы которого простирались на бескрайние просторы многих земель окрест себя.

Интересы же те состояли из выгоды купечества, стремящегося закупать за бесценок товары у представителей северных народов и перепродавать их как внутри страны, так и за ее пределами. Интерес был и у боярской знати, получающей новые владения и новые доходы. Заинтересован был и простой люд, желавший поселиться на новых богатых добычей землях, где можно было строить новую более вольную, хотя и не всегда спокойную жизнь.

Исходя из этих интересов, Великий Новгород снаряжал в очередной поход боевые отряды, а порою и целое войско для захвата или удержания своих владений. Походы же те были чаще всего успешными, ибо победы в сражениях с врагом приносила отменная доблесть и хорошая воинская выучка новгородцев. Грозное новгородское войско сумело не только отстоять свои владения на севере и западе от Новгорода в сражениях со шведами, норвежцами, финнами, литовцами и прочими своими врагами, но и расширить свои территории. И это происходило в то время, когда почти вся Европа содрогалась под ударами викингов – датских, шведских и норвежских. Очевидно то, что близкое соседство с этими воинственными и беспощадны-

ми скандинавами не прошло даром для Северной Руси, и она научилась противопоставлять свирепости доблесть, беспощадности – бесстрашие.

Меч новгородский, врагов сокрушая, завоевывал все новые и новые земли, вместе с народами их населявшими.

Шипчинский В.В. пишет: «...В русских летописях имеются указания, что уже к середине 9 века лопари и финны платили дань русским варягам.

...лопари с 9 века считались союзниками новгородцев.

*...К началу 13 в. южный берег Лапландии был уже прочно заселен Новгородцами».**

Дань, которую лопари и финны платили Новгороду, была ему земной, вещественной наградой. Но несравнимо более ценной была награда небесная, духовная в виде все новых и новых душ человеческих, от тьмы язычества обратившихся к святой Православной Вере при помощи многочисленных подвижников Божьих Церкви Христовой.

О.М. Фишман также повествует о христианизации Карелии:

*«Первое упоминание о массовом крещении карел относится к 1227 г., когда новгородский князь Ярослав Всеволодович «послав крести множество корел, мало не все люди».***

* Мацак В.А. Энцикл.«Печенга», стр. 364, 629.

** Полное собрание русских летописей. Спб., 841. Т1 С. 191.

*Крещение карел было важной и успешной частью христианизации прибалтийско-финских племен и народов, включенных в орбиту Новгорода.**

Причем, если быть более точными, то земли те были по закону не двоеданными, как утверждают наши бесчестные соседи и некоторые наши некомпетентные авторы, а новгородскими. Утверждать это можно на том основании, что по Ореховецкому миру, заключенному 12 августа 1323 года в крепости Орешек князем Юрием Даниловичем и «великими послами» Швеции Э. Турессоном и Х.Эдгислассом, Русь владела всей территорией Остерботнии и Вестерботнии. Поэтому посягательства скандинавов на эти земли не имели под собою никакого правового основания. Территория Остерботнии (Каянская земля) отошла к Швеции лишь в 1595 году после заключения Тявзинского мирного договора. Поэтому освоение этих земель русскими поморами и просвещение местных народов православными пастырями имело под собою вполне законное основание.

* Платонова Н.И. Погосты и формирование системы расселения на северо-западе новгородской земли (по археологическим данным). Автореферат Диссертация канд. ист.наук. Л., 1988. С. 14 – 17.

Валаам - истоки православной веры

Истоки подвижничества следует искать в самом древнем монастыре Руси – Валаамском, основанном Сергием и Германом Валаамскими задолго до крещения Руси. Этот бесспорно достоверный факт почему-то, мягко говоря, обходят молчанием и стараются не акцентировать на нем внимания благочестивых верующих. Может быть просто потому, что пальма первенства просвещения Руси уже давно отдана Киево-Печерской лавре, но справедливости ради и истины, мы должны воздать должное почитание и прославить тех древнейших просветителей Земли Русской.

Преподобные отцы Сергей и Герман Валаамские были основателями монашества на Севере Руси.

Их монастырь с деревянным храмом в честь Пресвятой Троицы управлялся игуменами Иоакимом (начало 10 века!), Феогностом (960 г.), это свидетельство рукописного жития инока этой обители и основателя в 990 году Ростовского Богоявленского монастыря Преподобного Авраамия, который в 960 году принял здесь Святое Крещение и был пострижен в иноки.

Враг рода человеческого не мог спокойно смотреть на спасительные подвиги Валаамских иноков и часто посылал на монастырь врагов. Не имевшим

мощных крепостных стен и сильного гарнизона, монахам приходилось покидать стены обители и переносить святыни, в том числе и мощи святых Преподобных Сергия и Германа Валаамских в Новгород. По отшествии врага, они вновь возвращались на остров со святыми мощами. «Вселетник» митрополита Иллариона свидетельствует, что в 1050 году: «Се лето принесоша с Валаама в Новуград великих Преподобных Сергия и Германа у трети рас» (в третий раз). В очередной раз мирное житие людей Божьих было нарушено нападением шведов, потерпевших поражение от новгородских воинов и отомстившим за то безобидным и беззащитным монахам. Многие иноки были убиты, монастырь ограблен и сожжен. Так в 11 веке был уничтожен врагом первый храм обители, и лишь спустя почти век игуменом Мортирием был построен храм в честь Спаса Преображения.

История Валаамского монастыря – этого западного бастиона Русского Православия изобилует многочисленными нападениями на него внешних врагов, чаще всего – шведов, любивших грабить беззащитные обители, осквернять и сжигать храмы Божьи. Всякий раз, как Феникс, восстающий из пепла, возрождался и Валаам, по молитвам Преподобных своих основателей Сергия и Германа. Особенно жестоким было разорение обители во время Русско-шведской войны 1590-1595 годов. Лишь по

монаршей воле благочестивого царя Федора Иоанновича было вновь принято решение о воссоздании монастыря, что и было совершено. Однако в лихую годину Смутного Времени монастырь был вновь захвачен шведами и в 1611 году уничтожен до самого основания. Очередного восстановления монастырю пришлось ждать до 1715 года, когда царь Петр 1 издал соответствующий указ.

На примере Валаамского монастыря мы можем убедиться в «религиозной терпимости» и цивилизованности «просвещенных» шведов, которые, как и некоторые их западные собратья, кичась своим мнимым превосходством над «дремучим русским Иваном», с завидным постоянством опускались до уровня простых грабителей и душегубов. Богоборческая же суть их постоянной борьбы со святынями, убедительно свидетельствует о том духе, который владеет ими.

Валаам же, невзирая на все усилия зла к его сокрушению направленные, восставал и продолжал служение Пресвятой Троице. Назло врагу внешнему и духовному, монастырь продолжил свою спасительную миссию, его постриженники основывали новые монастыри, просвещали светом Евангелия новые народы.

Был ли при всем этом Преподобный Трифон Печенгский первым просветителем лопарей? Конечно же, нет.

Преподобный Кирилл Челмогорский

Одним из первых просветителей язычников из финского племени чудь был инок Новгородского монастыря Преподобного Антония Римлянина Кирилл Челмогорский. После нескольких лет духовного совершенствования в монастырских стенах, он отправился в земли далекие в угодыя племени чудь, жившего в Заволочье, на берегах Челмозера и реки Челма. Построив в 1316 году себе келью на горе Челма, он добрым подвигом и святым словом сумел привлечь окрестный народ к вере православной. Подвиг сей был крайне нелегко и опасен, враги неоднократно покушались на жизнь инока, но Господь хранил его и помогал в нелегком подвиге апостольском. Отсутствие сана священнического и богословского образования восполнялось всепрощающей благодатью Божией, помогающей угоднику исполнять возложенное на него послушание. После 52 лет трудов на ниве Божьей, в 82 летнем возрасте угодник отошел ко Господу. Результатом его подвигов стало основание на том месте Челмогорской монашеской обители.

Одним из первых просветителей Севера был так же, сподвижник и современник Кирилла Челмогорского, миссионер Вассиан. Он подвизался в начале 14 века, просвещая местные языческие племена. Плодом его трудов было основание Спасо-

Строкиной пустыни на Козьем болоте близ Каргополя и Челмогорской обители. Позднее его пустынь была преобразована в Спасо-Преображенский монастырь.

Преподобный Лазарь Мурманский (Олонецкий)

Русская Православная Церковь всегда заботилась о спасении душ вновь присоединенных народов и народностей, которые пребывали во тьме идолопоклонства.

Одним из первых подвижников на стезе просвещения северных народов, стал Преподобный Лазарь Мурманский (Олонецкий). Это был инок грек из Константинополя, направленный для написания икон к святителю Василию в Новгород. Прослужив с владыкой десять лет, он, в 1352 году после кончины своего духовного наставника, собирался вернуться на родину, но получил во время сновидения повеление отправиться на север, на Мурманский остров Онежского озера. В те времена Новгородцы предпринимали первые попытки христианизации Поморья. Однако посадник новгородский Иоанн долго не уступал иноку Лазарю этого острова, пока не получил во сне грозное повеление почившего святителя Василия. Прибывший на благословленное место Лазарь, установил там крест, построил хижину и часовню.

Далее в его житии встречаются общие для всех просветителей искушения от врагов и будущей паствы, что мы найдем и в житии Преподобного Трифона Печенгского. Жившие у озера лопари (саамы) и чудь (финны) много страданий ему принесли: гнали его с острова, много раз били и стремились убить совсем, сожгли его хижину. Долготерпеливый подвижник скрывался от разъяренной погони, прячась в потаенной пещере. Однажды приплывшие на остров самоеды (ненцы) долго и безуспешно искали его, желая не только убить, но и съесть подвижника. Но сия ужасная участь миновала его, ибо Господь Бог и Пресвятая Богородица хранили его от смерти. На месте сожженной хижины появилась чудом уцелевшая от огня икона «Успения Пресвятой Богородицы», которой его благословили при постриге. Глас же от нее возвестил: «Неверные люди станут верными, будет едино стадо и одна Церковь Христова. Поставь на месте сем церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы». Вскоре пришел к нему старейшина лопарей и попросил исцелить слепорожденного ребенка, после чего обещал уйти с острова. «Так приказали нам твои слуги», – добавил он. Лазарь понял, что это были святые ангелы, о нем попечение имущие, и возрадовался. Он прочел молитву над ребенком и окропил его святой водой. После чего ребенок получил зрение, а злые люди ушли с острова. Отец

исцеленного ребенка и его близкие приняли святое крещение и стали впоследствии иноками. С тех пор к Лазарю пошли многие лопари на крещение, а некоторые и на постриг. Братия множилась, особенно после построения с помощью новгородского епископа Моисея в 1352-1360 годах церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы. Эта церковь была одной из первых во всем Поморье. Старательно потрудившись на поприще просвещения лопарей, в возрасте 105 лет в 1391 году подвижник отошел ко Господу.

Приподобный Евфимий Карельский

Следом за Лазарем Мурманским многие иные ревнители о спасении душ заблудших, устремились в новые земли для просвещения язычников. Не честолюбивое желание прославить в веках имя свое двигало ими, но полученное свыше благословение на сей очень опасный и многотрудный подвиг.

Одним из таких подвижников был святой Преподобный Евфимий Карельский, основавший в 1410 году на берегу Белого моря в губе реки Северная Двина Карельский Николаевский монастырь. Как и большинство русских людей, он особо почитал Святителя Николая Мирликийского, прозванного в народе Николой Угодником. Не ограничиваясь просвещением земель Карельских, он простер свои

устремления в вотчины Дикой лопи, на Кольский Север. Его малые суда с монахами и послушниками заплывали по рекам в глубины полуострова и основывали там свои поселения. Это были скиты с небольшими рубленными церквями и часовнями в честь Святителя Николая. Впоследствии даже возникла в народе поговорка: «От Холмогор до Колы 33 Николы». В Порьей губе, возле Кандалакши, ими был основан Свято-Никольский монастырь, просуществовавший недолго и получивший в народе название Кокуев. В своем самоотверженном усердии, иноки продвинулись до самых границ с Норвегией и основали на берегу реки Паз небольшой Свято-Никольский скит, названный норвежцами Монкенфортом (монашеской крепостью). Они обнесли его крепкими стенами, для защиты от грозных соседей, которые вскоре оказались бессильны пред многочисленным отрядом воинов.

Филиппов А.М пишет: «...первый «Монашеский фьорд» (в отличие от второго, т.е. Печенгской губы, относящийся к Пазрецкой губе, показывает, что на Паз – реке, где донныне еще уцелела ветхая церковь во имя Бориса и Глеба, построенная Трифоном в 1565 г., возле этой церкви тогда существовал монашеский скит. Это свидетельство Салингена неожиданно подтверждается рассказом, слышанным мною в Печенгском монастыре».*

* Мацак В.А. энцикл. «Печенга», стр. 496.

Ученики и послушники Евфимия Карельского совершали не только молитвенное делание, но и просвещали светом Веры Христовой этот суровый край. Это крайне не понравилось врагу рода человеческого и он послал своих слуг для разорения трудов монашеских. Отряд воинов норвежских в количестве нескольких сотен в 1419 году на судах начал свой кровавый поход с разрушения пограничного скита Монкенфорта, где вырезал всех его отважных подвижников. Их святая кровь пролилась не даром, ибо впоследствии на том месте трудами Трифона Печенгского был в 1565 году построен храм в честь Святых Страстотерпцев князей Бориса и Глеба, который и доныне стоит на том святом месте. Он стоит не только как источник молитвенного служения Господу во Славу Его, но и как памятник беззаветного служения и великого мужества русских монахов.

Войско норвежское на своих судах двинулось на восток, вдоль побережья Кольского полуострова по следам православных подвижников. Вновь иноземный супостат начал уничтожение всех русских поселений и монашеских скитов. Печальная участь постигла и Кокуев Свято-Никольский монастырь, находившийся, предположительно в Порьей губе на Терском побережье. Всех перебив и все ограбив, воины подвергли все строения сожжению.

Но на этом они не остановились и двинулись в поход на восток. Там, в губе Северной Двины, они напали на Карельский Свято-Никольский монастырь и, разграбив его, сожгли. Были убиты все там находившиеся иноки и трудники. По промыслу Божьему сам Преподобный иеромонах Евфимий остался жив и, оплакав убиенную врагом братию, приступил к восстановлению монастыря. Сделать ему это удалось с помощью боярыни Марфы Борецкой – посадницы Новгородской. Она помогла воссозданию монастыря в память о своих утонувших в реке сыновьях Антонии и Феликсе, которые за свое благочестие и благотворительность были погребены в стенах обители. Отошел угодник Божий Евфимий ко Господу в 1435 году, почти за столет до появления Трифоно-Печенгского монастыря на землях Кольского Севера.

Всемиловитый Господь не попустил врагу бесследно уничтожить все труды подвижников Николо-Карельского монастыря. На месте сожженного скита на Кашкаранском наволоке остался уцелевший монах отшельник, более пятидесяти лет, творивший молитвенное поминовение о своих, убиенных супостатом, собратях. Покрывал он от бед своими святыми, Богу угодными молитвами и приходивших на летний рыбный промысел поморов, которые и поведали после его святой кончины о его подвигах, пришедшим в 1470 году на это

место соловецким инокам Авксентию и Тарасию. Увидев, что от гроба святого отшельника происходят чудеса многие, в том числе и исцеления от достаточно частой в северных краях опасной болезни цинги, иноки сообщили о том игумену Соловецкому. По его благословению, судно с мощами угодника было отправлено на Соловки, дабы достойно упокоить его в стенах обители. Однако, вскоре оно вернулось обратно, заблудившись в густом тумане. Узрев в этом волю Божию и желание святого отшельника упокоиться вместе со своими убиенными собратиями иноками, Авксентий и Тарасий погребли его тело на месте его подвига. Там же, впоследствии, были погребены и они сами. На том месте была построена деревянная часовня, которая в 1866 году была перестроена в церковь в честь «Явления Тихвинской иконы Божьей Матери», дабы увековечить подвиг этих иноков и соединить их богоугодные молитвы с молениями окрест живущих православных поморов. Настоящее имя этого подвижника ведаёт лишь сам Господь, ибо поморы звали его то Авсием, то Аксием, то Аосием. Архангельская духовная Консистория называет отшельника именем Авсий, так звучит в сочинениях Иустина Философа и в «Церковной истории» Евсевия Памфила имя Осия - библейское первоначальное имя Иисуса Навина. Скорее всего, это был постриженник Валаамской обители или одного из крупных

Новгородских монастырей, где были списки книг Ветхого Завета, из которых и можно было почерпнуть это имя. В Свято-Никольском монастыре Евфимия Карельского таких книг не было даже в 16 веке. Поэтому можно предположить, что в Николо-Карельском монастыре этот инок был пришлым. Позднее же решили назвать его именем Астерий для поминовения и почитания.

Свято-Никольский монастырь в Порьей губе был так же восстановлен уже после кончины Евфимия Карельского и Авсия(Осии) Кашкаранского. Предположительно, крещение всех поморов и лопарей Терского берега производилось именно здесь, почему он и получил второе свое название Кокуев, от слова «кокай» - крестный отец. Свято-Никольский монастырь не только просвещал и крестил местное население, но и производил устройство небольших часовен.

В это же самое время на Печенге полагал свои усердные труды по просвещению местных лопарей и устройению обители благочестивый Душан. Дело Божье не умирало от наносимых врагом ударов, но продолжало возрождаться и приносить добрые плоды.

Преподобный Александр Свирский

Преподобный Александр Свирский вышел из семьи простых благочестивых селян, проживавших в Карелии на реке Оять, и возлюбив богослужения в своем храме, стал постом и молитвою угождать Богу. Отвергнув стезю брачную, решил он свою жизнь посвятить служению Всевышнему. Оставив родительский дом, он в 1465 году отправился в Северный Афон, на Валаам, где и был пострижен в 1473 году в чин иноческий. После многолетних подвигов, Александр отправился в места северные на реку Свирь, где в 1475 году у Святого озера и обосновал обитель. Смирением и трудами многими он шел путем великого Сергия Радонежского, труждаясь более всех и служа всем примером. За свои труды на сей стезе и строгий аскетизм был удостоен, как Авраам, в 1508 году чудного видения Самой Пресвятой Троицы и Пресвятой Богородицы. В том же году здесь была построена деревянная церковь в честь Пресвятой Троицы. В 1526 году он был по настоянию братии посвящен в сан игумена. При жизни имел дар изгнания бесов и чудотворения. Почил в 1533 году в 85 летнем возрасте, в то время, когда Трифон Печенгский, основав свой Свято-Троицкий монастырь, освятил в нем церковь и как бы явил преемственность подвижничества. Основатель Свято-Троицкого монастыря на реке

Свирь, Преподобный Александр Свирский был прославлен Господом нетлением святых мощей и чудным от них мироточением. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь так же неоднократно подвергался нападениям недобрых западных соседей, претерпевал разорение и восставал снова по молитвам своего дивного святого основателя.

Во времена богоборческой коммунистической власти воинствующие атеисты от науки, пытаясь объяснить феномен Божьего чуда сверхъестественного нетления и благоухания мироточащих мощей святого Александра Свирского с помощью сложных химических процессов, производили над ними свои опыты. Когда во время прижигания мощей серной кислотой, из глаз святого потекли слезы, то многие экспериментаторы пришли в шок и уверовали. Сейчас мощи святого Александра Свирского открыты для многочисленных паломников и своим благоуханием, исходящим из Царства Небесного, укрепляют людей в вере и ведут ко спасению по молитвам угодника Божьего Александра Свирского.

Благочестивый Душан

История подвигов Кольских подвижников была суровой и безжалостной, и миру открываются порою только очень скудные и противоречивые факты.

Таково житие благочестивого инока Душана, основателя Свято-Никольского монастыря на Печенге. Основан он был в 1475 году во времена пребывания на Кольском полуострове Луки и Федора Строгановых, строивших на берегах Колы остроги и солеварни на морском побережье. Несомненно то, что Строгановы, по их семейной традиции всегда строить храмы и основывать монастыри на новых землях, не изменили своему обычаю и приняли самое активное участие в основании и обустройстве обители. С их помощью монастырь достаточно долго труждался на ниве Божьей. Исторические источники противоречиво толкуют дату его гибели, однако, исходя из всех сообщений, можно с большой долей достоверности судить о нем по сообщениям иностранных источников – норвежских и датских. Олаус Магнус назвал годом основания Печенгского монастыря 1475 год, и основателем его – монаха по имени «Tushan». К великому сожалению, монастырь этот был так же, как и многие другие, западными соседями уничтожен, и в отечественной истории о нем не сохранилось сведений. Лишь зарубежные источники очень скупо о нем по-

вествуют. Историк Росберг И.Е. так пишет о том: *«Об этом рассказывает монастырская хроника... По другим документам правящего в то время царя, которые вполне достоверны, есть сведения о том, что здесь (на Печенге...), вероятно, был монастырь уже 100 лет назад, т.е. на 100 лет раньше, чем принято считать, и один из норвежских историков упоминает, кроме того, что монастырь якобы был основан в 1475 году другим (не Трифоном) неким набожным, благочестивым человеком по имени Tushan»*.*

Можно предположить, что это был серб по происхождению, ибо такую же фамилию носил правитель Сербии Стефан Душан. Новгород в те времена был окном в Европу и гостеприимным хозяином для всех иностранцев. Примером тому может послужить живший при дворе архиепископа Новгородского Геннадия монах доминиканец хорват Вениамин, служивший у владыки переводчиком.

Душеспасительные труды по просвещению аборигенов угодником Божиим Душаном и его соподвижниками должны были принести свои добрые плоды, свидетельства о которых можно было бы отыскать в письменных источниках, не смотря на всю скудость последних. Нам удалось, по милости Божьей, найти это важное подтверждение.

* Мацак В.А. энцикл. «Печенга», стр. 630.

Существует документальное свидетельство того, что много лопарей было крещено во времена архиепископа Геннадия Новгородского в 1484 году. Это было как раз во время просветительской деятельности этого монастыря.

Удалось обнаружить и краткое свидетельство того, что монастырь Преподобного Трифона Печенгского был основан на месте разоренного монастыря. На старинной карте место монастыря Душана обозначено как первый монастырь, а Свято-Троицкого монастыря Трифона Печенгского – как второй близ расположенный.

Выводы эти были сделаны на основании утверждений Олауса Магнуса, Огородникова Е.К. и Савич А.А.

*«По имеющимся сведениям, первый монастырь на Печенге был основан почти за сто лет до Пр. Трифона, в 1475 году, впоследствии разорен и уничтожен. Указывается имя его основателя Душан (Tushan). Трифон основал свой монастырь на руинах предыдущего. Место первого монастыря обозначено на старинных картах – первый монастырь, а место монастыря, основанного при. Трифоном, – второй монастырь».**

Именно сюда, в намоленное освященное место и пришел по воле Божьей Преподобный Трифон Печенгский, чтобы продолжить святое дело спасения

* Мацак В.А. энцикл. «Печенга», стр. 749-750.

душ человеческих – русских, карельских и лопарских. Таким образом, плодотворное апостольство Трифона было предуготовлено трудами многих, чаще всего безвестных подвижников.

Это не умаляет величие спасительных трудов Преподобного Трифона, его учеников и братьев, но лишь делает картину просвещения лопарей Кольского Края более точной и полной.

Из земель Кольского севера в 1526 году прибывает делегация лопарей из устья реки Нивы с просьбой дать им священника для крещения и служения. Просьба их архиепископом Новгородским Макарием была удовлетворена. По его благословению в Кандалакшу прибывают священник иеромонах Илия и дьякон из собора Святой Софии, которые производят крещение лопарей. Результатом трудов пастыря стало появление на побережье реки Нивы в районе Кандалакшской губы не только нового храма Рождества Иоанна Предтечи, но и создание впоследствии, Рождество-Богородицкого монастыря.

Методы просвещения

На северо-западе владений Новгорода простирались обширные территории земель Финских, Карельских, Кольских, примыкавших к границам

Скандинавских королевств – Норвегии, Швеции и владычицы их Дании, претендовавших на эти богатые зверем и рыбой просторы. Из-за спора на их владение между ними и Великим Новгородом, земли эти получили название спорных территорий и были очень опасными для проживания из-за частых набегов разбойных соседей.

Русские дерзали селиться в этих очень опасных краях, невзирая на запреты недовольных шведов, тем самым они лишней раз доказывали приоритет русской короны над спорными землями. Часто это заканчивалось очень трагично, ибо недобрые соседи с запада пресекали это внезапными набегами, как обычные грабители и все уничтожали огнем и мечем. Помимо обычных переселенцев-крестьян, рыбаков и охотников, в эти земли шли бесстрашные просветители – слуги Божьи иноки и основывали здесь скиты и монастыри. Время от времени и они подвергались нападениям воинственных скандинавов и проливали здесь свою святую кровь.

Смирение и кротость православных миссионеров, претерпевавших гонения и побои от шаманов, следует сравнить с совершенно иными методами «просветительской» миссии протестантских пастырей, о чем пишет Роберто Босси:

«Снова и снова шаманы говорили своему народу, что их боги никогда не покидали их. Но пришел день, когда некоторое количество лапландцев было

*застигнуто врасплох и окружено. И старые маги, которые претендовали на способность говорить с духами озер и великих рек, были сожжены заживо вместе с их барабанами. Это произошло в 1692 г. в Арьреплоге».**

Подобные методы лютеранизации применялись ими повсеместно. *«Так в 1578 году, 20 февраля, в фанатической ревности о распространении лютеранства, преследуя православных карел, они напали на Валаамский монастырь: 18 человек достоблаженных и благочестивых старцев и 10 послушников мученически истреблены были мечом их за твердость в православной вере».***

Методы подобного «просвещения» были далеки от Любви Христовой и были совершенно не приемлемы для русских подвижников.

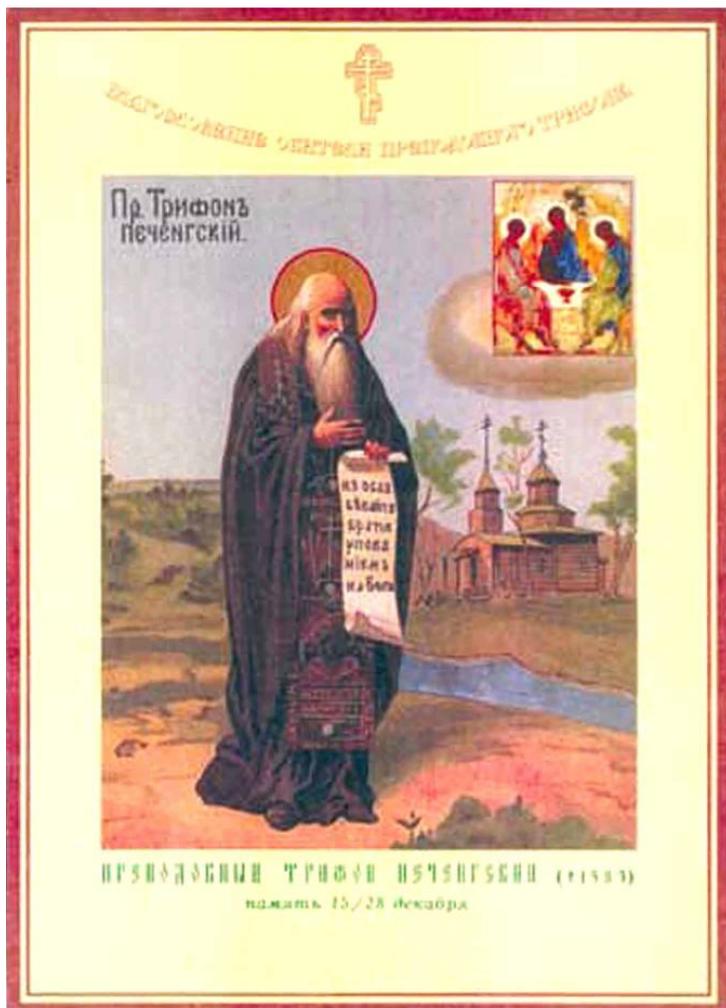
Возможно, что многое в методике христианизации местных языческих народов было перенято протестантами из католического опыта «просвещения огнем и мечем». Метод этот был достаточно жесток и не имел под собою никакой истинно христианской природы, ибо был лишен не только Любви Христовой, но и нарушал нормы обычной человеческой гуманности и морали. Однако он довольно широко использовался на Западе из-за своей простоты и мнимой эффективности.

* Босси Р. «Лапландцы», стр. 59.



ЧАСТЬ 2

Житие преподобного Трифона Печенгского





Северные войны



ЧАСТЬ 2

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ТРИФОНА ПЕЧЕНГСКОГО



ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ

В этом моменте мы приступаем к главной теме нашего повествования о житии и подвигах просветителя Кольских лопарей Преподобного Трифона Печенгского.

Нам предстоит нелегкое дело противостояния очередной попытке очернения жития этого угодника Божия, которые неоднократно предпринимались западными соседями в религиозных и политических целях. Сейчас угодника Божия Трифона Печенгского пытаются «переосмыслить» и делают из этого праведника разбойника и душегуба, развратника и пьяницу с подачи разных клеветников: протестанта профессора Яна Фрисса, немецкого авантюриста и проходимца Генриха Штадена и голландского шпиона Симона Ван Салингена. Вы-

думка Штадена о появлении Трифона на Печенге не из земель Новгородских, а из сопредельной Норвегии, и явилась неким основанием для басни Фрисса. Донесение голландского шпиона Симона Ван Салингена «Сообщение о земле лопи» послужило основанием для нового пересмотра жития святого угодника Трифона.

О Штадене и ему подобных, А. Тюрин сказал так:

«Таубе, Крузе, Штаден и им подобные проходимцы попали в опричнину благодаря желанию царя Иоана привлечь представителей «просвещенного» Запада на русскую службу. Все они ненавидели русский народ, пользовались служебным положением в личных гнусных целях и изменили России при первых же трудностях. Затем конвертировали свою измену в русофобские памфлеты и проекты. Например, Г. Штаден представил через посредство пфальцграфа Г.Г. Лютцельштейна императору Рудольфу II Габсбургскому подробный план уничтожения русских и русского государства. В нем с германской основательностью описывались способы завоевания Московии и изуверские методы уничтожения ее народа. Согласно проекту немецкого «мыслителя», по рекам должны быть пущены «корабли смерти» – огромные стволы деревьев с привязанными и пригвожденными на них телами русских. Не исключено, что Штаден со товарищи

*с самого начала были агентами враждебных России государств».**

Подобным же агентом был и голландец Симон Ван Салинген, составивший для Дании карту побережья Кольского полуострова для удобного использования ее при нападении на русские северные земли. Вместо Дании, куда ушла вся информация шпиона, карта была продана Швеции, королю Юхану III, злейшему врагу России.

Вот на какие «источники» опирается автор обновленной русской версии Жития Трифона Печенгского игумен Митрофан Баданин, называя их «уникальными историческими документами». По его мнению, «богатеишая информация... столь уникальна и авторитетна, что наша задача на сегодня – в полной мере оценить этот очевидный «дар Божий!»»

При этом о.Митрофан начисто отвергает неоспоримую достоверность трудов Соловецкого архимандрита Сергия Шелонина, составителя жития преподобного Трифона Печенгского. Он почему-то считает, что этот почти современник преподобного, подвизавшийся с ним в одних и тех же краях и имевший возможность собрать свидетельства многих его учеников и паствы, не мог честно написать достоверное житие подвижника и приукрасил его для «лубочной формы». Отец Митрофан безапелляционно утверждает:

* Тюрин А. «Война и мир Ивана Грозного», стр. 322-323.

*«...речь идет о некоей, условно говоря «идеологической подтасовке» в раскрытии образа того или иного подвижника прошлого. Этот процесс выхолащивания правдивой сути жизненного подвига подвижника в соответствии с новыми веяниями можно проследить и в трансформации образа Трифона Печенгского. Начало тому положил в какой-то мере соловецкий агиограф, изложив Житие в соответствии с требованием полной идеальности жизненного пути Святого».**

Как будто бы не было и не могло быть в истории Православной Церкви подобных примеров! Выходит, что и Жития Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Александра Свирского, Симеона Столпника Дивногорца и великого множества других великих угодников Божьих тоже являются результатом «идеологической подтасовки» и будут ждать своих «исследователей-ревизионистов»?

Житие святого в «Четиях mineях» святителя Дмитрия Ростовского не является для него авторитетным источником и «даром Божьим». Даже мнение архимандрита Никодима Кононова, смотрителя Санкт-Петербургского духовного училища, написавшего основательный труд в защиту жития святого от западной клеветы «Преподобный Трифон, Печенгский чудотворец и его ученики» и

* Иеромонах Митрофан. «Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие», стр. 136.

«Архангельский патерик» не является для отца Митрофана авторитетным. Слова Никодима, разоблачившего сочинения Яна Фрисса в части, касающейся сведений о Трифоне: «Что ни слово – ложь», не убеждает этого «исследователя».

Невольно создается впечатление о том, что православные источники и труды для него спорны и неубедительны, а выдумки и явная клевета западных протестантов – достоверны.

Лукавый князь - изменник

Надо сказать, что среди отечественных источников, отец Митрофан безоговорочно верит лишь одному автору, писавшему из-за границы земель русских. Это князь Андрей Курбский, так называемый современными терминами – «диссидент» царя Иоанна Грозного.

В период Русско – Ливонской войны князь Курбский был главнокомандующим и наместником в Ливонии. Многие поражения русских войск связывают именно с его именем.

В. Манягин пишет о разгроме под Невелем: «... в августе 1562 года «великий полководец 16 века», лично командуя 15 – тысячным корпусом, потерпел под Невелем сокрушительное поражение от четырех тысяч поляков. Валишевский пишет, что поражение было «подготовлено какими – то подозрительными сношениями» Курбского с Польшей.

*К ним добавились «несколько подозрительные сношения со шведами»... Ранение спасает Курбского от ответственности за преступную халатность, а вернее – за измену».**

В чем же заключались эти подозрительные сношения со шведами, можно почерпнуть у историка Р.Скринникова:

*«Известный хронист Франц Ниештадт рассказывает, что наместник шведского герцога Юхана в Ливонии некий граф Арц после ареста герцога королем Эриком XIV искал помощи у поляков, а затем обратился к Курбскому и тайно предложил сдать ему замок Гельмет. Договор был подписан и скреплен. Но кто – то выдал заговорщиков литовским властям. Арца увезли в Ригу и там колесовали. Ливонский хронист описал в благоприятном для Курбского свете его переговоры с Арцем. Но он добросовестно изложил и распространившиеся в Ливонии слухи о том, что Курбский сам предал шведского наместника Ливонии».***

На этом изменник Курбский не успокаивается. «В начале 1563 года Курбский выдал полякам маршрут русского 20-тысячного корпуса. Поляки устроили засаду и разбили московские войска. Двух бояр, ошибочно обвиненных в предательстве, каз-

* Манягин В. «Правда Грозного царя», стр. 83-84.

** Скринников Р. «Иван Грозный», стр. 160.

нили. После этого у Курбского сдали нервы, и он решил не тянуть с побегом».*

За год до этого, Курбский тайно связывается с королем польским Сигизмундом и ведет с ним переговоры о переходе на сторону врагов своего Отечества. В. Манягин пишет о результате их:

*«... предатель был вскоре утешен тем, что получил во владение от польского короля город Ковель с замком, Кревскую старостию, 10 сел, 4 тысячи десятин земли в Литве и 28 сел на Волыни. Чтобы отработать щедрую награду, благородный рыцарь, во – первых, выдал польскому королю всю московскую агентуру в Польше, а, во – вторых, засел за сочинение «обличительных» писем к царю».***

О том, как происходило бегство князя изменника обстоятельно описывает А. Бушков: *«С собой он прихватил двенадцать сумок с добром и все деньги, какими располагал. А денег по тем временам было с избытком, сумма по тогдашним понятиям грандиозная: 30 золотых дукатов, еще 300 не уточненных по названию «золотых», 500 серебряных германских талеров и 44 русских рубля. В те времена на Руси обращались только русские же деньги, иностранная валюта хождения не имела совершенно. Оказывается, хитрый князь еще за год до побега взял в Печорском монастыре крупный заем, кото-*

* Манягин В. «Правда грозного царя», стр. 84.

** Манягин В. «Правда грозного царя», стр. 85.

*рый, конечно же, не собирался возвращать. Но и монахи могли располагать исключительно русской монетой. Остальное импортное золото и серебро, можно говорить с уверенностью, либо было награблено в Ливонии, либо получено в качестве аванса и путевых расходов от поляков (или и то, и другое)».**

После своего бегства князь-нестяжатель вновь возвращается на свои любимые стези.

*Р. Скрынников: «Из – за рубежа Курбский послал в Юрьев верного холопа Ваську Шибанова с наказом вынуть из–под печи в воеводской избе его «писания» и передать их царю и печерским старцам... Кроме того, Шибанов должен был также испросить заем у властей Печерского монастыря».***

Псково-Печерские старцы, увидавшие истинный облик лицемерного князя, и имея перед собой пример пострадавшего за эту помощь изменнику игумена Корнилия, решительно отказали бессовестному просителю. Курбский же сбросил маску показного благочестия и ответил печерским старцам, отказавшим ему в новом займе, в соответствующей ему манере.

Р. Скрынников: «Из Вольмара Курбский обратился с короткими посланиями к царю и печерским старцам. Оба послания заканчивались совершенно одинаковыми фразами. Беглец грозил старцам и

* Бушков А. «Иван Грозный – кровавый поэт», стр. 216.

** Скрынников Р. «Иван Грозный», стр. 163.

*бывшему своему другу Божьим судом и стращал тем, что возьмет писания против них с собою в гроб». «Курбский скомпрометировал себя. На родине даже его друзья, печерские старцы, объявили о разрыве с ним».**

Князь Андрей Курбский в достаточной степени скомпрометировал себя и во время своего жития в Польше, своей беспредельной алчностью и беззаконным отношением к окружающим, о чем желающие могут прочесть в иной светской исторической литературе. Любимым же его занятием было участие в разбойных нападениях на свою прежнюю Родину. Разбоем и кровопролитием предатель платил своему потерянному Отечеству.

Итогом его скандальной и бесславной жизни была кара Божья.

*В. Волков: «Андрей Михайлович Курбский (1528 – 1583 гг.)... Только тяжелая болезнь помешала ему в 1581 году присоединиться к Стефану Баторию, осадившему Псков».***

Митрополит Макарий так характеризует его сочинения: «Потомок древних удельных князей, он свою родовую и личную ненависть к царю Иоанну 4 перенес и на отца его Василия и в своей известной «Истории князя великого московского» старался изобразить Василия Иоанновича как величайше-

* Скрынников Р. «Иван Грозный», стр. 163, 167.

** Волков В. «Русская рать: богатыри, витязи и воины», стр. 210.

го злодея и тирана. А вслед за тем, до крайности восхваляя всех, которые имели несчастье подвергнуться его гневу, в особенности князя – инока Васиана и Максима Грека, также неумеренно порицал людей, пользовавшихся благоволением Василия Ивановича, в особенности иноков Иосифова монастыря и митрополита Даниила; первых называл не иначе как презлыми и прелукавыми, а последнего «прегордым, лютым и проклятым». Вообще, вся «История» Курбского дышит очевидным пристрастием к людям его партии и почему – либо ему близким (к числу таких относился и Максим Грек: Курбский любил называть себя его учеником) и нескрываемою ненавистью к Иоанну IV, его отцу и деду – великим князьям московским, на которых тогдашние наши бояре, потомки бывших удельных князей, смотрели не иначе как на беззаконных нарушителей их стародавних прав и как на грабителей. А по тому в «Истории» этой немало известий, иногда только неточных, иногда искаженных, а иногда и совершенно ложных и вымышленных»*.

Сочинения же его были в дальнейшем использованы для очернения жизни и деятельности как царя Иоанна Грозного, так и всего государства Российского. Однако, не смотря на всю неприязнь князя Курбского к большей части русского мона-

* (Митрополит Макарий «История Русской Церкви»(Т.4, Ч.1, стр. 95 – 96);

шества, которых он часто именует в своих сочинениях «презлые осифляне, недобрых дел потаковники, пьяницы и сребролюбцы», о самом Трифоне Печенгском он отзывается весьма похвально, о братии его монастыря не говорит ничего худого, ругая лишь феодоритовских иноков.

Не желая более исследовать причины странного настроения отца Митрофана, мы попытаемся отстоять достоверность канонического Жития Преподобного Трифона Печенгского и доказать ложность новописанного Жития.

Цель западного интереса к подобному переписыванию Жития Святого угодника Трифона Печенгского весьма проста и нам понятна .

Если удастся сделать праведника Трифона кровавым разбойником и душегубом, то и вся трагедия истребленных финскими разбойниками монастырей и селений меркнет и становится легко оправдываемой. Если сам основатель монастырей и апостол саамов-лопарей был разбойником, а его братия – пьяницами и развратниками, живущими за счет присвоения богатств лопарей (по мнению иеромонаха Митрофана:

«Кольско – Печенгский монастырь окончательно утрачивает христианские устои и нравственность. Все силы полагаются на проведение в жизнь весьма мерзкой схемы обогащения, когда обманом и всяческими ухищрениями приобретаются новые

*лопарские угожья с целью их последующей сдачи в аренду тем же лопарям. В течении 17 века пьянство, драки, воровство и иные гнусные пороки становятся отличительной чертой «буйных печенгских монахов».**

Если удастся убедить всех в этом, то и гибель Печенгских монахов под топорами и мечами таких же разбойников финнов можно объявить Божьим возмездием за грехи. Тогда, по замыслу западных фальсификаторов, кровавый разбойник Весайнен со своей бандой становится всего лишь «бичом Божьим»! Тем более, что оценка деятельности этого борца с русскими оккупантами (в то время территория Остерботнии считалась русской, по Ореховецкому миру), является на удивление странной и превозносит его до уровня национального героя...

Глас Господень

Родом Трифон был из земель Новгородских, из города Торжка.

*«Время рождения Преподобного известно точно: оно произошло в 1495 году».***

* Иером. Митрофан Баданин. «Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие», стр. 257.

** Свт. Дмитрий Ростовский. «Четьи минеи» сентябрь-декабрь, стр. 526.

Эту дату «западники» всячески стараются передвинуть в нужную им сторону уменьшения, дабы возраст Трифона в пору его якобы «лихих дел» на территории Каяни был более подходящим для легенды о его воинских подвигах, ибо в 1510 году ему было всего 15 лет и стать грозным и могучим атаманом разбойничьей шайки он никак не мог. Тем более совершать нападения на финские и шведские селения ему пришлось бы с десятилетнего возраста! Поэтому дату рождения праведного Трифона «исследователь» Митрофан самовольно переносит на 10 лет ранее, подгоняя ее под нужную версию, и датирует ее 1485 годом.*

При этом он не обращает внимания на то, что в житии стоит указание на несомненную точность этой даты, ведь это же православное «лубочное» житие! Не смущает его и то, что известные церковные историки: митрополит Макарий (Булгаков), Н.Тальберг, профессор Е.Е. Голубинский, архимандрит Никодим Кононов, подтверждая свидетельство святителя Дмитрия Ростовского, так же называют дату рождения Трифона – 1495г.

Благочестие и набожность будущего лопарского апостола были весьма глубоки, ибо происходил он из духовного сословия, и следовательно, в дополнение к религиозности, Трифон был очень об-

* Иеромонах Митрофан Баданин. «Преподобный Трифон Печенгский», стр. 280. Приложение 5.

разованным и начитанным человеком, так как по документальным свидетельствам о тех временах, самыми образованными были священники, монахи и купцы. Бояре занимали лишь четвертое место по грамотности. Новгород всегда был источником всякого просвещения, первая школа в нем была создана еще при крещении новгородцев епископом Иоакимом. Церкви и монастыри были школами обучения и просвещения мирян. Великий князь Ярослав Мудрый учредил в 1030 году в Новгороде грандиозное по тем временам училище, в котором могло учиться одновременно до 300 учеников. По свидетельству митрополита Макария (Булгакова) в Новгороде были и небольшие частные училища. Поэтому, всякий стремящийся к образованию, имел все для того возможности. Сам же Великий Новгород именовался уделом Святой Софии – Премудрости Божьей не только по наличию кафедрального Софийского собора, но и по наличию в нем множества ученого люда.

Поэтому Трифон, будучи сыном священника не мог не получить обязательного для него духовного образования как в церковно-приходской школе, так и в Новоторжском Борисоглебском монастыре, одном из самых древнейших бастионов православия.

Трифон же, услышавший во время литургии глас, повелевавший ему все оставить и направить

свои стопы на север, в земли далекие и не просвещенные, убоясь трудности необычного послушания и стал отговариваться, смиренно принижая свою грамотность. Он, конечно же, понимал, что всякий, исполняющий волю Божию, всегда получит Его неодолимую защиту и всяческую помощь, но опасался лишь своих собственных немощей в предстоящей борьбе с многочисленными искушениями.

В ответ на утверждения иеромонаха Митрофана о том, что будущий апостол лопарей Трифон не мог быть таковым, по причине признаваемой им самим малограмотности:

*«Сын бедного священника, он жил учителем в доме отца Елены». Так звучит предание в переводе с норвежского Д. Островского. Все же думается, Митрофан едва ли мог быть «учителем». Вспомним, что Трифон по его собственному определению «невежда есть и малокнижен».**

Главным же просветителем саамов, по мнению о. Митрофана, был Феодорит Жиденов, якобы духовный наставник и учитель Трифона, о чем он неоднократно утверждает: *«...Митрофан, будучи монахом Трифоном... годами проходил молитвенный подвиг «умного делания» под руководством Феодорита Кольского, а потом просил его благословения*

* Иеромонах Митрофан Баданин. «Преподобный Трифон Печенгский», стр. 37.

на миссию среди саами». * Основания для подобного утверждения не имеется ни в одном историческом источнике тех времен, тем более, что Трифон, отправившийся по повелению Господа в эти суровые земли и получивший от архиепископа Макария Новгородского благословение на строительство монастыря и просвещение лопарей, не нуждался более ни в чьем благословении, тем более простого иеродиакона. Не понятно, почему замалчивается высокое благословение правящего архиерея и притупляется его значимость?

*«Около пяти лет под руководством Феодорита постигал Митрофан эту, неведомую ему ранее, великую науку «стяжания молитвы Иисусовой», научаясь «священнобезмолвию» в иноческом житии. Также и первый навык Евангельской проповеди на лопарском языке Митрофан приобрел в совместных с Феодоритом опытах живого общения с лопарями».***

Автор этих строк, очевидно считает, что до того момента подвижник Трифон, проживая в течение пяти лет среди саамов на Печенге, не имел с ними прямого контакта, «живого общения», не смотря на многочисленные побои и раны. Общение же между ними происходило, очевидно, на языке жестов, коль

* Иеромонах Митрофан Баданин. «Преподобный Феодорит Кольский», стр. 59.

** Иеромонах Митрофан Баданин. «Преподобный Феодорит Кольский», стр. 27.

Трифон, по утверждению иеромонаха Митрофана, до сих пор не ведал лопарского языка, и потому не мог им проповедовать Слово Божие. Чем же тогда, если не богодухновенными проповедями, он мог вызвать такой гнев местных шаманов, неоднократно пытавшихся убить его?

*«...одно дело – бесхитростная житейская беседа и совсем другое – проповедь божественных истин и догматов веры, что и на родном языке далеко не каждому под силу».**

Однако, напомним о Митрофану то, что Трифон, всегда хранил в памяти слова Господни: «Ступай, куда Я пошлю тебя; говори, что Я тебе повелю». Поэтому он действовал по Его высочайшему благословию и воле, не нуждаясь в хитросплетении теорий и подборке академических доводов, как этого не требуется в среде людей простых и необученных философским премудростям, но сердцем верующим и Богом благословляемым. Конечно же, всякому нормальному человеку вполне понятно то, что для общения с язычником дикарем, нет необходимости прибегать к философии и риторике, алгебре и астрономии, что даже знание академического богословия здесь будет неуместно, потому что преждевременно. Для дела сего прежде всего была необходима твердость веры и чистота сердечная, ибо

* Иеромонах Митрофан Баданин. «Преподобный Трифон Печенгский», стр. 65.

не испорченный цивилизацией человек больше верит не словам, а своему сердцу и чувствам и может скоро отличить фальшь и лукавую ложь от искреннего правдивого слова, преисполненного любви и заботы. Тем более, что ни один мудрец не сможет привести убежденного язычника к Богу, если только того не захочет Сам Бог: «Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня...».*

Отец Митрофан утверждает также и то, что: *«Прошло пять лет, и учитель Феодорит почувствовал, что Митрофан достаточно укрепился духом и вполне готов к самостоятельной евангельской проповеди среди язычников. Стало понятно, что они уже могут приступить к оглашению лопарского народа»*.**

На это утверждение можно возразить следующим образом: ни в одном историческом документе, даже в сочинениях «хронометриста» князя А. Курбского, не говорилось о том, что Преподобный Трифон Печенгский имел духовного учителя Феодорита. Труды и подвиги великие Преподобного Трифона нашли отражение в памяти люда православного в виде икон и преданий как апостола и просветителя лопарей. Описание же невероятных подвигов

* «Евангелие от Иоанна». Гл .6 ст. 44.

** Иеромонах Митрофан Баданин. «Преподобный Феодорит Кольский», стр. 27.

Феодорита появилось лишь в последнем столетии, в начале в виде рабочих гипотез, ловко превратившихся в неоспоримые утверждения от новейших «исследователей-чудотворцев». Ведь нельзя не назвать истинным чудом тот факт, что они раскрывают миру то, что не слышали, не видели и даже знать не могли современники той давней эпохи!

Ловушки мудрования

С древнейших времен своего существования человечество стремилось познать законы и тайны мироздания, смысл существования человека в этом мире, законы природы и человеческой психики. С помощью интеллекта и интуиции строились сложнейшие умозрительные концепции, пытающиеся дать более или менее четкий ответ на эти вопросы. Плодом мудрования интеллекта стали различные философские теории, интуиция же и дух породили религиозные учения. Философия и теология были обречены на противоборство, ибо каждое учение претендовало на обладание истиной. Так началась борьба между человеческим мудрованием, в основе которого лежала гордыня, и мистикой – неземной мудростью, полученной из мира духовного, в основе которой лежала извечная борьба света и тьмы, добра со злом. При появлении в мире нового хри-

стианского учения, философские школы обрушились на него, пытаясь с помощью логики и софистики разрушить еще не окрепшее богословие Нового Завета. Нападки их усугублялись вмешательством их последователей – императоров Марка Аврелия, Юлиана Отступника и других язычников, возводивших кровопролитные гонения на последователей Христа, пытавшихся через страшные пытки и казни утратить и сломить христиан, уничтожить их веру. Они могли достигнуть в этом значительных успехов, если бы на пути их хитросплетений Господь не поставил своих апологетов – Иустина Философа, Климента Александрийского, великого Оригена и блаженного Августина. Именно эти великие мужи, Богом просвещаемые и благословляемые, не только отразили разрушительный натиск философских нападков неоплатоников, гностиков и прочих школ, но и заложили фундамент христианского богословия. Однако самое сокрушительное поражение в этой многовековой борьбе с христианством, языческая философия потерпела в 6 веке, когда император христианин Юстиниан повелел закрыть все философские школы в империи за их вредоносность. Возможен ли был симбиоз философии с христианским богословием? Положительный ответ дали труды учителей Церкви Климента Александрийского, Оригена, Иоанна Дамаскина, которые справедливо ставили философскую мудрость

в услужение богословию и облекали во внешние философские формы богодухновенное содержание веры. Это легло в основу схоластики Западной богословской школы, стремившейся облечь откровения веры в философскую форму, оставляя при этом истины и догматы веры неприкосновенными.

Однако, путь богословия был всегда чрезвычайно труден и опасен из-за своей богодухновенности и великой ответственности за всякое неверное утверждение и ошибку. Любое, даже верное интуитивное утверждение в этой области, требовало облечения в четкую и точную словесную форму. Опасность в себе таило чрезмерное увлечение мудрованием и своевольное стремление проникнуть в тайны Мира Божественного, чаще всего приводившие самонадеянного гордеца в сети еретических теорий, и следственно, к гибели. Но опасность поджидает не только гордецов, но и мужей весьма благоразумных и искусных. Так произошло даже с мудрым христианским апологетом и философом Тертулианом, много трудов богословских написавшим, но отошедшим от Церкви и уклонившимся в монтанизм. Однако, по свидетельству Титмара епископа Мерзебургского, великий Тертулиан в конце своего жизненного пути, за четыре дня до принятия венца мученического, принял сан пресвитерский и благословение от папы Римского. Так произошло и с учителем Церкви христианской, великим богосло-

вом тех времен Оригеном, допустившим неверное утверждение о возможности спасения и для дьявола, вследствие чего и обвиненному в ереси. По милости Божьей и этот великий муж претерпел мучения за веру от гонителей и скончался в лоне Церкви Христовой. Россия же помнит таких великих еретиков как Лев Толстой и Рерихи. Однако, чрезмерное мудрование в богословии, привело не только отдельных философствующих мудрецов, но и целые богословские школы в сети пагубных ересей. Все три знаменитые богословские школы Православного Востока, где проходили обучение пастыри и проповедники: Александрийская, Антиохийская и Восточно-Сирийская после своего славного расцвета, уклонились в ереси и пали. Александрийская богословская школа, прославленная трудами великого Оригена пошла путем созерцательного развития богословия, мистико-аллегорического толкования Священного Писания, которое порою входило в противоречие со Священным Преданием. Подобная вольность не могла не привести к пагубным последствиям. Хотя среди ее представителей были такие великие мужи, как св. Афанасий Великий, свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, свт. Григорий Нисский, свт. Кирилл Александрийский, это не уберегло ее от впадения в ересь монофизитства, после чего она была потеряна для православия.

Антиохийская школа, напротив, отвергала всякий аллегоризм и созерцательность в толковании Священного писания и была сторонницей буквального исследования смысла текста Священного Писания. В ней ценилось ясное и отчетливое понимание христианского вероучения на основании прямых указаний Священного Писания и изложение его по правилам логического мышления. Великими ее представителями были: Святитель Иоанн Златоуст, Свт. Кирилл Иерусалимский, Свт. Феодорит Кирский. Однако и она была поражена ересью несторианства и отпала от православия.

Восточно-Сирийская (Эдеско-Низибийская) школа, основанная св. Ефремом Сирийским, по своему направлению, примыкала к Антиохийской школе и так же последовала пагубному уклонению в ересь Нестория.

Это яркое свидетельство того, насколько опасно как вольное мистическое восприятие Священного Писания, так и неправильное буквальное толкование его смысла для истины Божественной Премудрости. А так как все искажения Священного Писания ведут к гибели вечной, то для всех благоразумных христиан полезней и спасительней будет не стремиться дерзновенно к познанию тайн Божьих, которые открываются лишь по Его святой воле, а смиренно довольствоваться тем, что Господь уже соблаговолил вложить в наши души и умы. Умест-

но вспомнить изречение Преподобного Амвросия Оптинского: «Где просто – там ангелов со сто, где мудрено – там ни одного».

Лукавые плоды философии

Уместным будет упомянуть и то, что философия, восстановленная в 9 веке в Византии для светского образования, в 11 веке вновь захватила умы человеческие и многих увлекла в омут ересей и оккультизма. По свидетельствам современников, многие православные, начиная с императоров и кончая священниками, становились только внешне христианами, духовно уклонившись на стези астрологии и разврата. По свидетельству историков Э. Лависса и А. Рамбо, от трудов богословских отвратились даже такие достойные архиереи как никейский митрополит Евстратий, увлекшийся философией Аристотеля, коринфский митрополит Григорий, талантливый грамматик, афинский митрополит Михаил Акоминат, ритор и поэт, митрополит Фессалоникский Евстафий, гуманист и ученый. Известный историк тех времен Никифор Блеммида отказался даже от служения церковного в патриаршем сане! Развращение же светской знати и некоторой части простонародья было таковым, что многие соседние народы начинают называть греков лживыми, лукавыми и подлыми лицемерами.

Поэтому многие соседние народы начинают называть греков лживыми, лукавыми и подлыми лицемерами. Несомненно, что это послужило отступлению от Византии Божьего покровительства и привело к ее бесславному падению. Подобные же духовные процессы не миновали Западную Европу в эпоху Ренессанса. Увлечение философией привело к появлению двоеверов: христиан-язычников. Историк Смирнов пишет:

*«Религиозные понятия до того были перепутаны, что в Риме часто смешивался Христос с Меркурием, Мадонна с Венерой; в честь Вергилия, Горация, Платона и Аристотеля совершались религиозные церемонии. Даже кардиналы и епископы смотрели на Евангелие как на греческую мифологию. Распространение неверия, в связи с распущенностью нравов духовенства и всего итальянского общества, и вызвало Савонаролу на путь реформаторской деятельности. Единственным средством для уврачевания всех религиозно – нравственных зол Церкви Савонарола признавал восстановление добрых нравов силой веры и благодати в среде духовенства, а через него и в среде всего общества. Такую реформу он решил произвести сам посредством проповеди и установления строго церковных порядков жизни».**

* Смирнов Е. «История христианской церкви», стр. 517.

Эта попытка монаха доминиканца Савонаролы, обличавшего папу и духовенство, закончилась для аскета и поборника веры в 1497 году арестом и костром. Но напрасно торжествовал победу развращенный епископат, ибо за ней последовало настоящее бедствие для всей католической церкви – протестантское восстание и церковный раскол.

Подобного искушения не могла миновать и Россия, куда европейские ветры «просвещения» занесли сразу вольнодумства и оккультизма.

Это стало увлечением для знати – бояр и дворян, которые очень скоро стали восставать на церковь и веру. Возникло движение так называемых «нестяжателей», требовавших изъятия у церкви ее земель и богатств, под предлогом обета нестяжания, который дает всякий монах при постриге. К ним примкнула и часть духовенства, вышедшего из боярских родов и имевшего с ними тесные связи. Свои истинные интересы они замаскировали под духовным призывом к созерцательной жизни. Путем разграбления церковных богатств, знать стремилась не только обогатиться, но и нанести сокрушительный удар по власти и могуществу церкви в делах государственных, поставить ее на услужение светским властям, лишив экономической самостоятельности. Возникло противостояние двух партий: «осифлян» – последователей стяжательного курса на дальнейшее укрепление и возвышение церкви

для объединения ее в могущественном союзе с государством, и «нестяжателей», выразителей интересов российской знати. По сути своей, это было уже известное Европе движение реформации, но с российской спецификой. Как и в Европе, эта борьба не могла не закончиться уже известным финалом – реформированием церкви под руководством патриарха Никона при содействии греческих и западных помощников, приведшим к великим жертвам и расколу. Главным же руководителем церковного переустройства был царь Алексей, парадоксально названный «тишайшим», на совести которого многие тысячи невинно замученных и казненных православных. По сравнению с ним царь Иоанн Грозный всего лишь невинный младенец! Однако и в этом парадоксе есть свое объяснение – если уж в тихом омуте лукавые водятся, то уж в «тишайшем» – всех их глава! Дело дальнейшего реформирования Русской православной Церкви и подчинения ее светской власти, продолжил знаменитый «революционер» царь Петр I, лишивший церковь патриаршества и учредивший Священный Синод, поставленный впоследствии под управление царского чиновника - обер-прокурора. Это привело к ослаблению роли церкви в жизни государства и позволило подчинить ее в значительной степени интересам земных правителей. Параллельно произошло закабаление основы и опоры церкви – простого люда,

попавшего в крепостную зависимость от победившего знатного сословия и ставшего рабами.

Множество удивительных и даже диких парадоксов можно встретить в истории нашего государства и даже Церкви. Одним из таковых является тот, что всеми осуждаемый и презираемый за жестокость и бесчеловечность рабовладельческий строй, павший под ударами феодализма, в конечной «просвещенной» стадии последнего, вновь возвращается по требованию власть предержащих! К сожалению, знание высоких философских премудростей не привело к ожидаемому гуманизму и либерализму по отношению к народу, но скатило ее на позорные позиции чудовищного угнетения и дикого рабства. Это явилось вполне закономерным следствием отступления господствующего сословия от милосердных устоев православия.

Поэтому, далеко не всякое знание является душеполезным, а иная мудрость заводит в сети дьявольские.

Начало подвига

Скорее всего, молитвенник и боголюбец Трифон был замечен Богом и призван на служение в церкви Борисоглебского Новоторжского монастыря, основанного в 1038 году святым Ефремом

Угриным, одним из трех братьев бояр, слуг святого Стратотерпца князя Бориса. Обычно, сыновья белого священства шли по стопам своих отцов и становились попами на мирских приходах. Почему же Трифон нарушил этот обычай и встает на путь монашеского служения? Каким образом этот вчерашний мирянин смог так грамотно организовать службы и житие братии в своем новообразованном монастыре, если бы не имел опыта монашеского служения и не ведал монастырского Устава? Ответ напрашивается сам по себе. Все это он почерпнул из жизни и служения иноков родного Борисоглебского Новоторжского монастыря, в стенах которого он провел достаточно много времени. О духовной жизни монастырской братии той эпохи очень содержательно поведал архимандрит Киприан Керн: *«Вся духовная культура, богословская начитанность византийца и гражданина Святой Руси, кажущаяся сынам гордой европейской культуры чем – то диким и мрачным, получалась ими в Церкви, в храме, в литургическом богословии, как живом опыте Церкви. Не было семинарий, академий и теологических факультетов, а боголюбивые иноки и благочестивые христиане пили живую воду боговедения из стихир, канона, седальнов, пролога, четий – миней. Церковный клирос и амвон, заменяли тогда профессорскую кафедру. За время всенощных, заутрень, повечерий, под умирительное пение*

сладкогласых «подобнов», под звуки древнего – знаменного и греческого распева воспитывалось благочестие крепкое... незыблемое, вырабатывалось православное мировоззрение, воплощаемое в жизнь и действительность, а не только остающееся туманной философской теорией». * Еще одним доводом в пользу сего утверждения служит тот неоспоримый факт, что Трифон посвящает, построенную им в 1565 году на реке Паз, самую северную церковь именно святым князьям Борису и Глебу.

Попрощавшись с родными, смиренный раб своего Всемогущего Владыки, Трифон направился в эти дальние суровые северные земли и после длительного и опасного путешествия, прибыл в земли лопарские. Там он приступил к своему труднейшему послушанию, преисполненному множеством тяжких и опасных для самой его жизни искушений. Его проповедь о Боге Истинном, Пресвятой Троице, сопровождалась обличением нечистых духов, которым издревле поклонялись саамы. Как и в житии Преподобного Лазаря Мурманского, язычники лопари, наущаемые шаманами-кебунами, нападали на кроткого и безобидного подвижника и гнали его с побоями из своих земель. Осознавая опасность его проповедей для своей власти над соплеменниками, шаманы много раз пытались убить

* Дворкин А. «Очерки по истории Вселенской Православной Церкви», стр. 560.

его, и только Господь спасал его от смерти и от рук вражбых. Много раз скрывался Трифон от врагов своих, как и Лазарь, в потаенной пещере, где с помощью Божьей, залечивал свои раны.

Будь он в прошлом, как утверждает Ян Фрисс, лихим атаманом разбойников, то есть, человеком воинственным или в сражениях побывавшим, то не смог бы стерпеть такого унижения и обязательно дал бы отпор малорослым своим преследователям. Именно так поступил святой Моисей Мурин, раскаявшийся атаман разбойников, который понес положенную епитимию и долгое время подвизался на послушании в монастыре. Но когда к нему в хижину для грабежа пришли разбойники и стали бить его, не стерпел инок и дал им отпор. После чего, связанных прежних своих собратьев разбойничков, он привел в монастырь, где те покаявшись в грехах своих, стали усердно подвизаться вместе со своим бывшим атаманом. Впоследствии все они приняли смерть от руки завоевателей, не пожелав оставить стен монастыря и спастись бегством.

Иным был Трифон, смиренность его нрава и любовь к ближнему не позволяли даже и помыслить о подобном, поэтому он все переносил со скорбью и просил у Бога лишь терпения и вразумления заблудших лопарей, понимая, что не от себя они бесчиние творят, но по наущению вражьему. Смирение это принесло свои добрые плоды. Узнавшие

о новом подвижнике, крещеные Душаном лопари стали собираться возле Трифона и оказывать ему всяческую помощь, в том числе и защищая его от своих, пока еще не просвещенных, соплеменников. Под влиянием доброго слова и нрава подвижника изменилось отношение к нему простых саамов. Глядя на иное житие собравшихся возле Трифона крещеных своих собратьев, и на доброту их взаимных отношений, так разительно отличавшихся от беспрекословного подчинения шаманам, все большее число лопарей решается на изменение своей судьбы и примыкает к подвижнику с просьбой о крещении. Они учатся жить по иным законам в новом сообществе, основанном на любви и взаимном уважении, слушают проповеди Трифона о Боге Истинном и правильном Ему поклонении, учатся молитве, забывая свои заклинания и проклятья.

Строительство обители

Постепенно, с помощью Божьей, собралась первая братия, создавшая основание для построения монастыря. Из рассказов крещеных лопарей Трифон узнает о существовавшем ранее монастыре и постигшей его печальной участи. У него возникает желание побывать на этом месте, святом и скорбном. Мечта о построении там нового монастыря, продолжающего святое дело врагом разоренного,

не оставляет подвижника. Но Трифон хорошо понимает, что такое важное дело не может быть совершаемо только по своему собственному благому желанию, но будет иметь успех лишь по воле Божьей, ибо тогда Сам Господь благословит братию будущей обители. Он возносит молитвы ко Господу и просит Его о благословении сего святого дела. В видении Господь открывает Трифону место и внешний вид бывшего монастыря, благословляя построение новой обители. Получив таким образом благословение, Трифон с новой братией прибывает на место святое, кровью иноков политое, и начинает там строительство новой обители.

Главной задачей является построение церкви, как основы обители. Трифон подходит к этому делу с глубочайшим уважением и страхом Божиим. Не желая умалять красоты и величия храма посильным для них строительством дома-часовни, Трифон в 1530 году направляется Новгород с целью призвания священника для крещения новообращенных лопарей и привлечения бригады плотников, имевших опыт строительства церквей. Архиепископ Новгородский Макарий очень благосклонно принял подвижника и, после беседы с ним, благословил Трифона на строительство церкви, обители и дал ему свою на то грамоту.

Находится и бригада умелых плотников, отправившаяся с Трифоном в земли далекие студеные, где и рубит новую церковь в честь Пресвятой Трои-

цы. Затем, в течение трех лет обустроивается новая обитель, рубятся дома для новой братии, скотный двор, погреб. Монастырь начинает свою трудную самостоятельную жизнь. Узнав о прибытии в Колу иеромонаха из Новгорода для крещения местного люда и освящения построенной ими Свято-Троицкой церкви, Трифон направляется в Колу и вскоре прибывает в обитель со священноиноком Ильей. Тот освящает новую церковь, крестит новообращенных лопарей и производит постриг Трифона в чин иноческий. Так начинается новая жизнь святого угодника Божия с его великими трудами.

Почему Трифон не принял священнического сана

Житие братии нового монастыря хорошо описано как в Житии святого, так и в стихотворном его варианте, поэтому, опуская мелкие детали этого бытия, хочу отметить лишь важные моменты.

Трифон на протяжении всего своего монашеского подвига был неоспоримым авторитетом и примером для братии. Все важнейшие вопросы жития монастыря решались с его участием, его слово было решающим. Но почему тогда он не захотел принять сана священного и стать игуменом монастыря, коль на деле он уже был таковым? Некоторым современным священноинокам это непонятно и кажется противоестественным, ибо их уговари-

вать в подобном случае не было необходимости. Возможно, это и послужило для них дополнительным подтверждением версии, о якобы, страшной греховности этого великого подвижника, которая одна только и могла объяснить это, непонятное им, смиренное нежелание принятия сана. Благочестивейшему угоднику эти «исследователи» приписали не только лихое пьянство, но и даже разбой и душегубство! Чтобы не напрягать напрасно своего воображения, даже греховность ему приписали из полюбившейся им песни о разбойнике Кудеяре, ставшим после своего раскаяния иноком Питиримом! Не на доброе дело пошли труды всеми почитаемого поэта Н.А.Некрасова, стихи которого «О двух великих грешниках» так вписались в канву новой версии, что даже частично были использованы в трудах иеромонаха, приводящего их в качестве украшения своих утверждений.

«...Много разбойники пролили крови честных христиан».

*«Днем с полюбовницей тешился, ночью набегу творил».** «Научным» же основанием для утверждения этого послужило свидетельство голландского шпиона Салингена, утверждавшего, что он от самого Трифона слышал о греховности последнего. А разве не понятно любому верующему, что на

* Иеромонах Митрофан Баданин. «Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие», стр. 43.

вопрос о том, является ли старец Трифон святым, тот не мог ответить иначе! Любому православному ребенку понятно то, что человек всегда грешен, безгрешен лишь Бог. Поэтому чем выше духовный рост человека, тем глубже осознание им своей греховности. Нам, батюшкам, надо читать почаще жития святых, что бы не впадать в такие заблуждения и не вводить в них других, доверчивых и наивных. Тогда бы мы нашли правильную причину отказа смиренного Трифона от величия священнического сана. Так поступали в древности почти все святые: Ефрем Сирий, которого Василий Великий лишь обманом заставил преклонить главу для прочтения молитвы на принятие сана дьяконского, Сергей Радонежский, который сдался на уговоры братии лишь после угрозы ответа за их души перед Богом, и многие другие угодники, стремившиеся не к почестям сана, а ко спасению. Сам Равноапостольный Кирилл, Учитель Словенский, являясь настоятелем монастыря, не имел священного сана, подражая древнему монашеству. Многие игумены кельтских (древнегалльских) монастырей никогда не принимали священнического сана, считая себя недостойными его. Для совершения богослужений монастыри приглашали священников из окрестных селений. Возможно, что Преподобный Трифон решил последовать примеру всеми в Новгороде почитаемого за благочестие и мудрость Варлаама

Хутынского, основателя монастыря, не принявшего сана игуменского. Святитель Иоанн Златоустый очень обоснованно оправдывался перед своим другом Василием Великим, когда скрылся от рукоположения. Подобным образом поступали Святитель Григорий Двоеслов, отказывавшийся от великой чести сана Папы Римского, и Святитель Киприан Карфагенский, также пытавшийся уклониться от чести сана епископского.

Всякому священнику следовало бы по чаще прочитывать эти строки о великой чести сана, но еще более великой за него ответственности. Именно поэтому смиренный Трифон, знавший жития других подвижников, и отказался от игуменства. Если и был у Преподобного Варлаама Керетского грех смертоубийства своей супруги-матушки из-за наговора вражьего, который он так страшно и долго искупал, странствуя по морским, смертельно опасным, просторам с останками супруги, то предание о нем не сокрыло тяжести греха, но честно о том возвестило.

Оттого нам и не надо считать наших православных предков людьми без правды, а потому и не следует самим выдумывать басен о них, тем более об угодниках Божьих.

У Святом причастии Трифона

Тем более ошибочным является утверждение, основанное на голословном заявлении некоего исследователя, что Преподобный Трифон двадцать лет не принимал Святого Причастия, яко бы по причине его страшного греха кровопролития (которого и быть не могло). Во-первых: коль не было греха, значит, не могло быть и такой тяжелой епитимии. Во-вторых: даже если теоретически и допустить наличие какого-либо серьезного греха у Трифона, то по Божьей милости, при монашеском пострижении, прощаются все его грехи, и начинается новая духовная жизнь воина Христова с чистой страницы. Так поступали многие князья и цари, на исходе своего правления, дабы смыть все свои грехи и унаследовать жизнь вечную. Может ли быть это неизвестно священноиноку?

Благочестивый Трифон хорошо помнил слова Господа: «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне, и Я в нем».* И так же: «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день...».** Памятуя о них, мог ли он, добрый подвижник и пастырь, добровольно лишать себя Святого Причастия? Тем более, что это послужило бы

* Евангелие от Иоанна. гл. 6 ст. 56.

** Евангелие от Иоанна. гл. 6 ст. 54.

серьезным искушением для его братии и духовных чад. Утверждение о том, что якобы сам митрополит Макарий Новгородский возложил на Трифона двадцатилетнюю епитимию, так же нигде не подтверждено, потому что абсурдно, ибо мудрый Святитель не мог бы доверить такому грешнику монастырскую братию и просвещение лопарского народа.

Современный церковный историк и богослов архимандрит Макарий Веретенников в своем труде о деятельности митрополита Макария пишет: *«Новгородский период деятельности святителя Макария совпадает с важным событием – его встречей с великим миссионером Русского Севера, преподобным Трифоном Печенгским».*

*«Среди его святых собеседников мы видим миссионеров: святителя Гурия Казанского и преподобного Трифона Печенгского; почитателей Святой Троицы – преподобных подвижников Александра Свирского и Даниила Переяславского...».**

По стопам Сергия Радонежского

Первоначально благополучие монастыря строилось на трудах братии, пожертвованном на их общую пользу имуществе и в угодиях – рыбных

* Архим. Макарий Веретенников. «Святитель Макарий митрополит Московский», стр. 41, 56.

тонях, пастбищах и реках. Велика сила и польза от дружного сообщества единомышленников, но многочисленны и возникающие при этом искушения. Беречь же от них новоначальную братию и старался усердный Трифон. Помогал же ему в сем деле многотрудном и тонком его опыт духовный и помощь Божья. Успехи монастырского трудничества основывались на благом примере Трифона, полагавшего свои труды, подобно Преподобному Сергию Радонежскому во главе братии. В трудном деле перенесения каменных жерновов из Колы в монастырь, Трифон ответил на предложение ему помощи словами: «Лучше мне повесить себе на шею мельничный камень, чем смущать братию своей праздностью». При таком духовном вожде монастырь быстро расстраивался и укреплялся, обрастал хозяйством и новыми промыслами. Возрастала братия и духовно, окормляемая мудрым наставником, которому Господь дал за его труды и смирение такую благодатную силу, что даже вышедший из леса медведь ее почуял и стал смиренным и послушным. Так Трифон повторил чудо Преподобного Сергия Радонежского, а медведь тот еще не раз появится в житии подвижника для исполнения Трифонова благословения, даже после его отшествия ко Господу...

Труды преподобного Трифона

С 1549 года братия приступает к строительству нового (нижнего) монастыря ниже по течению Печенги, который будет иметь свою незамерзающую гавань, имевшую возможность принимать морские суда.

Храм с приделами Зосимы и Савватия Соловецких дает обители название и связывает ее с братским Соловецким монастырем еще более крепкими духовными узами. Свои труды здесь прилагают и пришедшие из Кольского монастыря иноки, прогнавшие своего строителя Феодорита и даже за что-то побившие его. Вероятнее всего, причину избиения игумена Феодорита следует искать в его протестантских взглядах и деяниях, которые он почерпнул у своего сопостника и единомышленника «заволжского старца» Артемия, и пытался навязать своей братии. Именно за эту ересь они были осуждены Соборами 1553-1554 годов и отправлены в заточение: Артемий – в Соловецкий, Феодорит в Кирилло-Белозерский монастыри.

Здесь же пришедшие иноки трудятся усердно и многую пользу обители приносят. Новая обитель станет основой не только духовного, но и хозяйственного процветания, ибо множество новых трудников начнут влагать свой труд во благо общее. Чрезвычайно возрастет торговля не только с

русскими, но и с иностранными купцами, норвежскими, немецкими, английскими, прибывавшими на закупку разнообразной рыбы, пушнины, соли, которую добывал монастырь на своих солеварнях. Трудлюбивый Трифон тоже не сидел сложа руки, от братии вдалеке, но принимал самое живое участие в их трудах и путешествиях, что можно было увидеть в иноземных источниках.

Историк Платонов С.Ф.:

*«На Кольском полуострове замечен стал в эпоху Печенгский монастырь, по преданию основанный около 1532 – 1533 гг. Он жил рыболовством и братия монастыря настолько развила морской промысел, что могла избыток добытых продуктов сбывать на сторону. В 1562 – 64 гг. сам игумен Трифон с печенгскими монахами на монастырских лодках приходил в Датскую крепость Вардегуз в Норвегии с рыбой, рыбьим жиром и другим морским товаром для торга с датчанами и норвежцами».**

Нападения шведов на Трифонов монастырь

Отдаленность Кольских земель от могучего Новгорода и близость агрессивных соседей, часто промышлявших здесь разбоем, заставляли поморов заботиться о своей безопасности. Памятуя о разгра-

* Мацак В.А. «Печенга», стр. 620.

бленных и дотла сожженных скитах и монастырях, прежде здесь бывших, обитель Трифона была обнесена крепким частоколом. По углам построили вышки со сторожами, на случай нападения врага, предпочитавшего нападать внезапно, исподтишка. Но каждый инок и трудник ясно осознавали, что в случае внезапного нападения разбойников, шансов на спасение ничтожно мало, и потому, все были заранее готовы к самому худшему. Поэтому, когда отряды шведов короля Густава Вазы начали в 1556 году свой поход на земли Кольские, монастырь и жители окрестных поселений объединили свои силы для борьбы с врагом. Святыни были отправлены в Кольский острог, под защиту строгановских казаков, несших там службу, а братия стала готовиться к вражескому штурму обители. Русские поморы и карелы, охотники лопари достойно встретили отряд шведский и оказали ему такое сопротивление, что вынудили врага отступить. Шведы понесли потери, но и монастырь был почти полностью разорен. Все внешние постройки были сожжены, скот и стада олени были угнаны неприятелем, все посадки вытоптаны. С великим трудом приходилось все вновь восстанавливать. Подобные же страшные испытания постигли монастырь и позже, в 1571-73 годах, когда шведы вновь напали на земли северные и много вреда причинили им.

Беда наша в том, что все документальные свидетельства монастыря Трифона были уничтожены финскими разбойниками Весайнена после захвата обители и ее сожжения. Однако Милостивый Господь дает возможность нам о том узнать из других источников.

Тюрин А. пишет: *«В 1544 и 1547 гг. шведские отряды входят в русскую Карелию и вторгаются на Кольский полуостров, который в это время активно осваивается русскими. В 1552 г. войска короля Густава Вазы переходят реки Саю и Сестру в Западной Карелии, захватывают несколько погостов. Взятых в плен детей боярских сажают на кол. Шведы вторгаются и на Кольский полуостров, где нападают на монастырь святой Троицы на Печенге при Варангском заливе (наверное, самый северный в мире). Явно неслучайным образом шведская агрессия совпадает со временем активной борьбы России против Казанского и Крымского ханств. Шведский король предпринимает активные дипломатические усилия по сколачиванию антирусской коалиции с Данией, Польшей, Ливонским орденом. В 1554 г. с вторжения фогта А. Нильсона в Карелию начинается полномасштабная Русско-Шведская война».**

Семенов П.: *«Местность Печенги сделалась известною, когда Трифон основал здесь монастырь... в 1533 году, шведы были недовольны таким сосед-*

* Тюрин А. «Война и мир Ивана Грозного», стр. 225-226.

*ством и несколько раз хотели его уничтожить, что наконец и исполнили в 1589 году. После этого монастырь был переведен в Колу».**

Огородников Е.К. приводит свидетельство документальное:

*«...шведы трижды разоряли Печенгский монастырь и до 1590 года, о чем не упоминается ни в истории обители, ни в жизнеописании преподобного Трифона...».***

Предания Русского Севера:

*«Шведы напали, три раза Печенгский монастырь разорили. Тогда Трифон Печенгский и сказал: «Только три раза монастырь разорят, а на четвертый раз он по самые окна в землю уйдет».****

НАПАДЕНИЕ ШВЕДОВ НА ГОЛОВЕЦКУЮ ОБИТЕЛЬ

Великим благом для Соловецкого монастыря было его местонахождение на отдаленных морских островах. Это хотя и создавало проблемы для обители в вопросах снабжения ее и посещения паломниками, но, одновременно, и служило естественной защитой от нападений многочисленных врагов. Однако, угроза с Запада от соседей недобрых, с завидным постоянством нападавших на русские

* Мацак В.А. Энцикл. «Печенга», стр. 530.

** Мацак В.А. Энцикл. «Печенга», стр. 630.

*** Мацак В.А. Энцикл. «Печенга», стр. 537.

поселения и монастыри, становилась все более серьезной и требовала принятия соответствующих мер обороны. Построенные руками иноков деревянные монастырские стены не могли выдержать напор вражьего войска, оснащенного артиллерией. О безопасности Соловков заботились не только братия обители, но и сам государь Иоанн Грозный, направлявший для несения охранной службы в отдаленные и пограничные монастыри и остроги отряды стрельцов с пушками.

В сборнике «Русский Север» указывается: «После настоятельства Святителя Филиппа на долю последующих игуменов выпала трудная забота защищать монастырь и все Поморье от нападений шведов, впервые появившихся в 1571 году. О появлении шведов на Белом море немедленно же было донесено царю Иоанну Васильевичу Грозному. Царь с участием отнесся к положению беззащитной обители, и в 1578 году в настоятельство Варлаама (1571 – 1581) из Москвы был прислан в монастырь воевода Озеров с четырьмя пушкарями и десятью стрельцами с огнестрельным оружием и «зелием» (порохом). Ему было строго наказано оберегать монастырь и поморские владения, набрав в подкрепление себе, из монастырских крестьян в стрельцы 100 человек.

Пользуясь затишьем в военных действиях шведов, Озеров, с помощью настоятеля и братии, по-

строил вокруг монастыря деревянный острог с башнями, расставив по башням привезенные пища-ли. С этого времени Соловецкая обитель стала как бы военной крепостью.

*Приготовления к обороне монастыря были не напрасными. В 1579 г. «каянские немцы» (финны) в большом количестве напали на Кемскую волость и произвели здесь «великое опустошение», причем сам воевода Озеров и его неопытные стрельцы были перебиты. Нужны были очевидно решительные меры к упрочению безопасности монастыря и Поморья. Поэтому царь Феодор Иоаннович повелел монахам, обладавшим уже значительными собственными средствами, самим заняться укреплением обители каменной стеною, где бы, в случае опасности, могли укрыться поморцы со своими семьями».**

Вновь и вновь отражали монастыри с помощью местного населения и казаков нападения вражеских отрядов, все вокруг превращавших в пустыню. Ценою многих жизней сохранялись святыни и Вера Православная, новые, чаще всего безвестные, герои и мученики восходили в Царство Небесное...

* Андреев А., Шумов С. «Русский Север», стр. 31-32.

Хождение Трифона к царю Иоанну Грозному

Именно к этому тяжкому времени и можно отнести хождение Преподобного Трифона с Соловецким иноком в Москву к царю Ивану Грозному. Подвергшийся нападению Соловецкий монастырь, который тоже выстоял, и, стараясь скорее восстановить свои потери, отправил монаха в Москву к царю Ивану Грозному с просьбой о помощи. К нему присоединяется и Преподобный Трифон, что бы попросить и за свою обитель. Такова была истинная цель их опасного и дальнего путешествия, а вовсе не голод и неурожай в те годы, как предполагается в «Житии».

Во-первых: голод всегда угрожал густо населенным районам страны и обителям в них находящимся, жившим за счет запасов злаковых – хлеба и круп, тогда как такие отдаленные уголки нетронутой природы с богатейшими рыбными запасами и практически не пуганым зверем, в изобилии обитавшим в тех заповедных краях, давали не оскудеваемые запасы пищи для всех обитавших там. Точно такая же ситуация сложилась и для Соловецкого монастыря, трудолюбивых иноков которого Господь никогда не оставлял без богатого улова.

Во-вторых: Если бы причиной, по которой Трифон и Соловецкий иннок вынуждены были обратиться к самому царю, что было величайшим дерз-

новением, был голод, то им бы пришлось очень долго ожидать своей очереди в черед подобными им просителей из более близких монастырей.

В-третьих: Помощь царя одному из великого множества голодающих монастырей была бы достаточно скромной, что было бы вполне понятно, однако здесь царь проявляет великую щедрость и жалует обитель многими богатейшими угодиями и подданным ему населением этих мест, что скрепляет своей Грамотой. Кроме того, он жертвует Преподобному большую сумму деньгами и золотом, дарует колокола. Это не похоже на милостыню голодающему монастырю, но являет собою щедрую царскую награду за особую заслугу перед царем и Отечеством, ибо монастырь выстоял в схватке с войсками шведскими и отстоял честь русской короны.

Большую роль в успехе челобития Трифона и инока Соловецкого, сыграло открытое Богом царю за день до их прибытия в Москву, видение святых подвижников. Это послужило свидетельством их святости и угодности Богу, поэтому Иван Грозный, радевший за укрепление державы своей, и еще более любивший людей, ради Христа подвизавшихся, и воздал им рукою щедрой. Сын же монарха богобоязненный Федор Иоаннович пожертвовал Трифону свой кафтан для храма, жертва же сия

спасет впоследствии ему жизнь, во время Русско-шведской войны по заступничеству Преподобного.

Царь не просто оказал им помощь свою, но за доблесть наградил по-царски, даровав многие угоды монастырю: реки с рыбой, озера и леса.

Царские деньги дали возможность оснастить обитель всем необходимым, а обширные угоды послужили доброй основой для процветания монастыря в будущем. К великому сожалению, все жалованные царские грамоты погибли при пожаре монастыря в 1589 году, достоверной можно считать только одну, относящуюся к 1591 году, в которой упоминаются еще несколько более ранних грамот царя монастырю Трифона Печенгского. Подлинность грамоты от 1556 года, в которой в пренебрежительном тоне говорится о дарах Иоанна Грозного монастырю Трифона лишь по слезному за него ходатайству царевичей Федора и Иоанна, является подложной, написанной гораздо позже, лукавой рукой. Доказать это можно неоспоримыми историческими фактами. Если учесть, что царевич Иоанн Иоаннович родился в марте 1554 года, а царевич Федор Иоаннович в 1557 году, то можно выяснить, что на момент получения этой грамоты, царевич Федор Иоаннович еще не родился на свет, а царевичу Иоанну было лишь два года, поэтому они никак не могли ходатайствовать за монастырь. Исходя из вышесказанного, время путешествия

Трифона Печенгского в Москву можно определить временем очередного нападения шведов на Северные земли в 1571-73 годах. Уничтожение истинных исторических документов и замена их подложными сфальсифицированными, встречается достаточно часто в нашей непростой истории, в том числе и церковной.

Многолетнее хождение Трифона

В житии преподобного имеется так же еще один длительный период его странствий по Руси для сбора милостыни своему монастырю.

Это происходило в начале семидесятых годов, когда во время своего хождения в Москву к Иоанну Грозному, преподобный узнал об очень важном для себя и всей Руси событии – открытии мощей преподобного Ефрема Новоторжского. Этот святой был основателем его родного монастыря, первого Борисоглебского монастыря на Руси, где он возрастал духовно и получил Божье благословение на подвиг апостольства. Мог ли святой Трифон не посетить этой обители и не принять участия в торжествах?! Вне всякого сомнения, преподобный был в 1572 году в родном краю и в стенах такой родной ему обители, где радовался и молился у мощей ее основателя. Наслышанные о его высоких духов-

ных подвигах иноки, с радостью прибегали к его мудрому окормлению и старались впитать в себя сокровища его духовного опыта. Да и простой люд православный, узнав о пришествии в обитель такого подвижника, устремлялся за советом к старцу, испрашивая его святых молитв. По молитвам же угодника, которые были сильны пред Богом. Многие недужные получали исцеления, заблудшие возвращались на пути спасительные, маловеры укреплялись духом. Многократно пытался Трифон пуститься в путь обратный, в земли суровые Заполярные, но мольбы местной паствы, боящейся потерять такое сокровище, останавливало его. К тому же давали знать о себе и физические немощи, свойственные его преклонному возрасту. Требовалось время для лечения и укрепления своих сил, необходимых для столь длительного и трудного путешествия. Когда же Трифон прибыл в Новгород, то и там повторилась та же история. Владыка Новгородский Леонид с радостью принял святого подвижника и многократно с ним беседовал. Дивясь его премудрости и тем откровениям свыше, которыми с ним делился Трифон. Люд православный во множестве стекался к преподобному за духовной помощью и наставлениями. Великое множество болящих получило исцеления, о чем было записано в житии святого. Пожертвования на его северную обитель преподобный отсылал с молодыми инока-

ми в земли Кольские. Лишь спустя несколько лет смог Трифон вернуться к своей Печенгской братии, стосковавшейся по своему духовному отцу.

Отметая все ложные домыслы и неудержимые фантазии новых «исследователей» жития, обратимся к подлинным документам. Так в послании царя Иоанна Грозного к шведскому королю Густаву Вазе, написанному в 1556 году, говорится о том, что с жалобой на шведских подданных, грозящих разорением монастырю на Печенге, обращался игумен Печенгской обители. Как известно, игуменом Трифонова монастыря с 1556 года вплоть до его трагической гибели в 1589 году был игумен Гурий. Именно на его имя и была и выдана настоящая жалованная грамота, сгоревшая при пожаре в монастыре, и замененная позднее фальсификаторами подложным документом. Подтверждают это и слова грамоты «..нам бил челом игумен Гурей, и сказал...»

Оборона монастырей монахами

Об этих героических подвигах православных насельников монастырей и их паствы почему то стараются не говорить, очевидно, мученические венцы более приятны перу и слуху некоторых писателей. Стремление привить пастве православной

жертвенные образы монахов, покорно главу склоняющих под меч вражеский, кому-то очень выгодно. Поэтому тщательно избегают рассуждать здраво о подвиге Осляби и Пересвета, героически сразившихся с врагом по благословению Преподобного Сергия Радонежского, мало известно о героических оборонах монастырей Троице-Сергиевой лавры, Псково-Печерской обители, Соловецкого монастыря, а именно, об участии в боях по защите святынь иноков.

А. Нечволодов пишет: *«Защитников же лавры было всего около полутора тысяч человек, в том числе дворян, боярских детей, казаков и разных собранных в нее людей – 1300 человек и до 200 человек иноков, способных носить оружие, из которых многие были прежде воинами и теперь поверх ряс надели ратные доспехи»*. *

Соловьев, отмечая тщетность увещаний и угроз поляков, пишет: *«Монахи и ратные люди видели пред стенами своими не того, кто называл себя сыном царя Ивана Васильевича, - они видели пред стенами обители Св. Сергия толпы иноверцев, Поляков и Литву, пришедших поругать и расхитить церковь и сокровища священные. Здесь дело шло не о том, передаться ли царю Тушинскому от царя Московского, но о том, - предать ли гроб великого чудотворца на поругание врагам православной*

* Нечволодов А. «Сказания о Русской земле», т. 4, стр. 475.

*веры. Троицкие сидельцы защищали не престол Шуйского только, но гроб Святого Сергия, и потому му здесь измена не могла пересилить верности».**

Описывает Нечволодов и организацию как военной, так и духовной обороны монастыря: *«Архимандрит Иосаф привел воевод и всех ратных людей к присяге у гроба преподобного Сергия, что они будут биться крепко и «без измены» против врагов Православия и Отечества, и затем, повелел непрестанно совершать богослужение и пение молебнов Святому Сергию. Защитники же обители готовились всеми силами к отражению врага. Одна половина их всегда находилась на стенах и башнях, вооруженных пушками и пищалями, а другая предназначалась для замены убитых и раненных и для производства вылазок; во главе этих вылазок часто становились храбрые иноки».***

Как производились те вылазки, мы узнаем из дальнейшего текста: *«9 ноября, за три часа до рассвета, получив благословение архимандрита Иосафа у гроба Святого Сергия, воеводы во главе отрядов ратных людей и монахов тихо вышли из монастырских ворот; затем, слышав удары монастырского колокола, все бросились с трех сторон на неприятельские осадные работы, с кличем: «Святой Сергий!» Такие же вылазки, сопровождаемые каждый раз большим кровопролитием,*

* Тальберг Н. «История Русской Церкви», стр. 321-322.

** Нечволодов А. «Сказание о Русской земле», т. 4, стр. 477-478.

были произведены и в последующие ночи, и, наконец, бесстрашным защитникам лавры удалось добраться до места, откуда велся подкоп». *

Подобные примеры доблести монашеской мы встречаем и в книге архимандрита Тихона Секретарева:

«Поляк из отряда Стефана Батория в своем дневнике от 16 ноября 1581 года писал: «Борнемиссе с венгерцами, Фаренсбеку с немцами не везет в Печорах. Пробьют брешь в стене, подойдут к ней и остановятся – далее идти не могут. Все удивляются и недоумевают. Одни говорят, что русские колдуют, а другие – что это место свято. Уже второй приступ не удастся! Эти монахи творят чудеса храбрости». **

О том же свидетельствует и героическая оборона Кирилло – Белозерского монастыря о которой пишет Д. Семеник:

«В 1610 г. надстроили каменную ограду, имевшую высоту 5,5 м., пристроили дополнительное укрепление – Острог (не сохранилось). За этими стенами в 1612–1617 гг. монастырь выдержал все приступы польско-литовских интервентов. Монастырь хорошо подготовился к осаде, запас провиант и вооружение; в декабре 1612 г. защитникам

* Нечволодов А. «Сказание о Русской земле», т. 4, стр. 483-484.

** Архим. Тихон Секретарев. «Врата Небесные», стр. 29-31.

*обители удалось из пушки поразить руководившего осадой полковника Песоцкого».**

ОСВОЕНИЕ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА СТРОГАНОВЫМИ

Обитель завела весьма обширное хозяйство и промыслы, вела торговлю с купцами новгородскими, норвежскими, немецкими.

Благодаря усердным трудам братии, обитель с Божьей помощью быстро укреплялась и благоукрашалась. Большую поддержку монастырю оказали несправедливо забытые отечественными историками колонисты-хозяйственники Строгановы, потомки древнего ростовского рода. Их далекий предок Лука Кузьмич был сборщиком налогов (сорока) в двинских землях и помог выкупу из татарского плена великого князя Василия Темного. Во время Великой смуты патриоты Строгановы оказывали колоссальную денежную помощь царским войскам и разоренным городам. В 15-16 веках Строгановы до получения ими обширнейших земель на востоке и в Сибири, обустроивали Кольские земли, строили остроги по реке Коле, занимались рыбным промыслом и солеварением. Защищали свои владения они

* Семеник Д. «Путеводитель по русским городам», стр. 261.

с помощью казачьей стражи, которую использовали при своих трудах.

В 1558 году после получения царских грамот на освоение земель на Востоке в Прикамье и на реке Чусовой, они постепенно стали сворачивать свои дела в Заполярье и перешли к освоению новых земель Предуралья, строя там новые остроги и основывая города. Всегда при этом на новых местах они возводили храмы и основывали монастыри. Сыновья Аники Строганова в 1579 году передали свой рыбный стан на Большом Аникиевом острове и солеварни Трифоно-Печенгскому монастырю. Впоследствии на острове была организована морская таможня. Оставили они также и казачью стражу для обороны монастыря и солеварен.

Составитель энциклопедии и краевед В.А. Мацак пишет:

«...Название острова связано со Строгановыми – родоначальниками целой династии отечественных предпринимателей, имевших редкое русское имя - Аника. Он первым из русских купцов устремился на Мурман для торговли с иностранцами. На острове Большой Аникиев у А. Строганова имелось становище, был оборудован причал для торговых судов, место для скупки рыбы у промысловиков. Там позднее и возникла государственная таможня. В 16 веке наследники Аники Строганова Яков и Григорий передали становище на острове

*Трифано-Печенгскому монастырю, т.к. их деятельность переключилась на Сибирь».**

Несомненно и то, что и в успешном отражении шведских и финских набегов, казаки Строгановых принимали активное участие. Значительный вклад патриотов Строгановых в освоении Кольского Севера не нашел совершенно никакого освещения в отечественной истории и лишь иностранные источники кратко о том свидетельствуют. Роберто Босси пишет :

«Знаменитая семья Строгановых, которые впервые открыли путь через Урал, позволивший России расширяться в глубь Сибири, к 1500 г. владела монастырем на Кольском полуострове. Это была сугубо лапландская внутренняя территория. Задача монахов состояла в том, чтобы обратить язычников в христианство. Строгановы владели также некоторыми горными предприятиями для добычи соли, которая продавалась за российские рубли. Рядом уживались меркантилизм и монашеское дело. Но очень скоро, соблазненные богатыми месторождениями и обилием мехов в Сибири, Строгановы ушли из Лапландии и предоставили самим себе своих бородатых монахов. Когда Строгановы уехали, были также оставлены хорошо во-

* Мацак В.А. Энцикл. «Печенга», стр. 34.

*оруженные воины, чья миссия состояла в защите монахов от дикарей».**

Ужасные набеги финнов и шведов заставят монастырь настолько укрепиться, что он превратится в мощную крепость.

Лишь коварство разбойника Весайнена, которому его, подосланные заранее сообщники, откроют ворота монастырские, приведет к ужасной трагедии уничтожения всей братии и сожжению обители.

О том с великой скорбью сообщит своей братии пред своим отшествием ко Господу Преподобный Трифон. Погребен подвижник будет в Успенской пустыни, куда будут часто приходиться все нуждающиеся в его святой помощи и получать необходимое по молитвам Преподобного. Память о нем будет жить в веках среди не только им просвещенного народа лопарского, но и всей Церкви Русской.

Литке Ф.П. дает весьма красноречивое заключение просветительским трудам Преподобного Трифона и его братии:

«...Печенга есть Мекка того края: каждый благочестивый лопарь считает обязанностью поклониться, хотя раз в жизни, мощам святого угодника; в затруднительных случаях дают они обеты идти в Печенгу на богомолье; многие делают это для излечения от болезней».**

* Босси Р. «Лапландцы», стр. 53-54.

** Мацак В.А. «Печенга», стр. 523.

P.S.

У человеческой психологии есть одно свойство: явная ложь, произнесенная многократно и уверенно, подтвержденная и другими голосами, рассеивает здоровое сомнение и облекается в одежду правды. Это очень хорошо изучили и на практике используют все идеологи пропаганды и пиар компаний.

Приходится констатировать, что у нашего «исследователя» имеются единомышленники, которые так же безбоязненно перекраивают Житие святого Трифона Печенгского. Делают они это, бездумно полагаясь на «авторитетные изыскания», совершенно не пытаясь вникнуть в драматические подробности исторических событий прошлого.

Для наглядного подтверждения этого мы проанализируем лишь один малый кусочек переписанного А. Конюшанцем жития угодника Трифона, год рождения которого этот автор так же переносит на 10 лет ранее:

«В 1556 году вместе с Феодоритом отправился Преподобный, милостыни ради, в царствующую Москву. За день до их прихода в столицу произошло чудесное видение царю Иоанну IV Грозному: когда он шествовал в сопровождении бояр в Успенский собор к литургии, предстали ему святого вида иноки. На вопрос самодержца, кто они и откуда, ино-

*ки назвались. А на следующий день Трифон и Феодорит подали свои челобитные, когда царь шел с сыном Феодором в храм. Признав в них виденных накануне иноков, Государь взял церковные прошения. Феодор Иоаннович, отойдя в особый придел, переделся и послал свои верхние одежды блаженному Трифону, чтобы «перестроить» их на церковные. При этом сказал, что хочет предварить Государеву милостыню. Царь, дивясь о «потаенных рабах Божиих», щедро пожаловал Трифоной обители церковную утварь и колокола».**

Разберем, сколько неправды в этом малом отрывке:

Во-первых: Феодорит Жиденов не мог путешествовать с Трифоном в Москву, тем более обращаться к царю Иоанну Грозному, ибо был обличен в ереси «нестяжателя старца» Артемия и отбывал в то время наказание в подвалах Кирилло-Белозерского монастыря, затем, по словам Курбского, он был переведен в Ярославский монастырь. В отличие от А.Конюшанца, о. Митрофан, зная об этом, излагая свою версию, пишет:

«...после печально памятных Соборов 1553 – 1554 годов. Предлогом для обвинения стала «абсурдная» (по мнению автора, очевидно, считающе-

* Конюшанец А. «Святая обитель на вершине России», стр. 12.

го себя умнее церковных соборов) *параллель, проведенная между учением Нила Сорского и «ересью люторской, явившейся на церковные догматы». Страх перед европейской реформацией, как раз в это время ликвидировавшей земельные и иные владения католической церкви...* (как это предлагали сделать и отечественные «нестяжатели», действовавшие по отработанному на Западе сценарию).

*В ссылки и строгие заточения были отправлены все наиболее видные «старцы нарочитые, в жительстве нестяжательном просиявшие и писаньем священным искусные»: игумен Артемий, архимандрит Феодорит...».**

Во-вторых: Согласно текста канонического жития Трифона, в Москву с ним ходил соловецкий инок.

«На следующий день царь Иоанн с царевичем Феодором также шел к литургии. В это самое время к нему подошел преподобный Трифон, вместе с другим иноком из Соловецкого монастыря. Иноки смиренно подали царю свои челобитные»

Феодорит не мог быть этим иноком, ибо уже успел к тому времени побывать в сане архимандрита настоятелем Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря и получить обличение в ереси на Церковных Соборах 1553-1554 годов. Его царь хорошо

* Иером. Митрофан Баданин. «Прп. Трифон Печенгский», стр. 106-107.

знал и не мог назвать безымянным иноком с Соловков.

В-третьих: Царевич Феодор Иоаннович не мог подарить Трифону своего кафтана для церковного служения, ибо его в то время еще и на свете не было! Достоверно известно, что родился он только в 1557 году.

В-четвертых: В каноническом тексте жития не говорится о царевом даре монастырю Трифона, основанном лишь на слезном умолении его детей – царевича Феодора и Иоанна. Очень сомнительно то, что двухлетний царевич Иоанн мог знать Преподобного Трифона, а еще нерожденный царевич Феодор мог это, непостижимое для нормального ума, ходатайство совершить лишь только у таких смелых реформаторов, как наши «исследователи».

Попасть впросак авторам, не желающим верить и следовать тексту жития, помогла подложная грамота, отысканная умелыми «научными исследователями». Хотя отец Митрофан и знает о разоблачении подделки этого «документа» историком А. Андреевым и профессором Голубинским Е.Е., но как всегда стоит на своем «безупречном» мнении и объясняет это следующим образом: *«Однако следует возразить. Общеизвестно, что царь Иоанн отличался бурным литературным талантом и свободно излагал по своему усмотрению суть*

документов, несмотря даже на их официальный статус».*

На мой взгляд, «бурным талантом свободно излагать по своему усмотрению суть документов», гораздо в большей степени обладает сам отец Митрофан, что можно заметить во всем его творчестве.

Возможно ли выяснить истинный ход тех исторических событий?

Отметая все ложные домыслы и неудержимые фантазии новых «исследователей» жития, обратимся к действительно авторитетным знатокам и исследователям, таким как архимандрит Никодим Кононов. По его неложному мнению в 1556 году в Москву ходил не Трифон Печенгский, а игумен Гурий, на имя которого и была выдана настоящая грамота, сгоревшая при пожаре в монастыре, и замененная позднее фальсификаторами подложным документом. Подтверждают это и слова грамоты «...нам бил челом игумен Гурей, и сказал...».

Хождение же в Москву Преподобного Трифона Печенгского следует отнести к более позднему периоду. В начале семидесятых годов 16 столетия он получил из рук царя Иоанна Грозного новую грамоту, а с плеча юного царевича Феодора его кафтан. Получение новой царской грамоты было пред-

* Иером. Митрофан Баданин. «Прп. Трифон Печенгский», стр. 139.

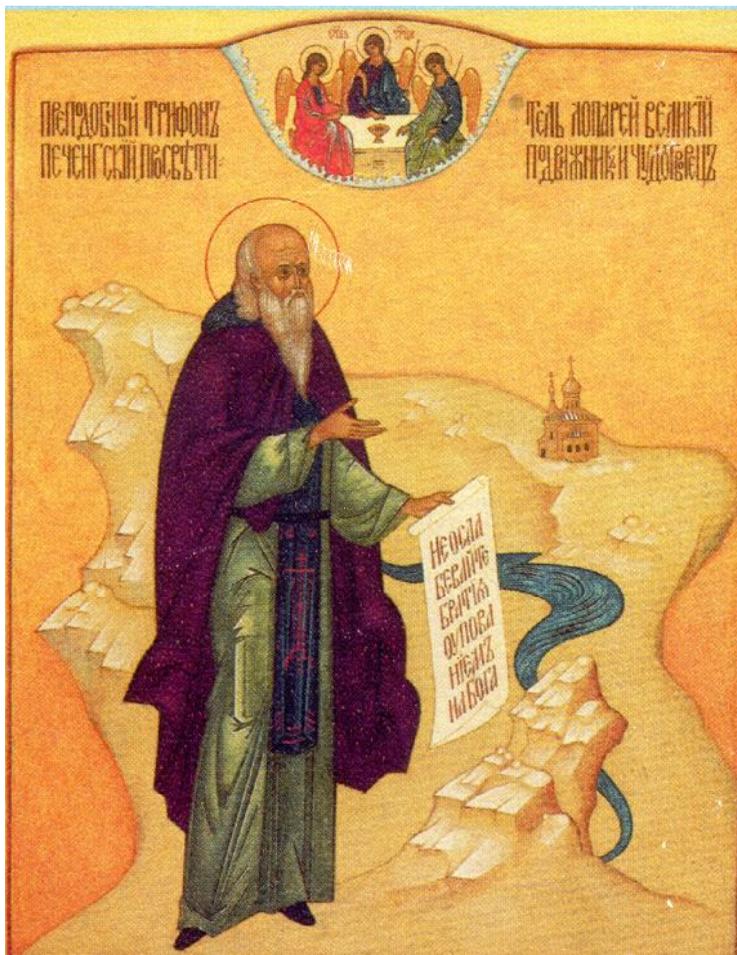
варено духовным явлением царю Иоанну Грозному угодников Божьих, что и подвигло его на особо щедрый царский дар.

Таким образом, мы все смогли убедиться в том, что с историческими документами, к которым относятся и Жития Святых, нужно обращаться очень бережно и благоразумно. В противном случае, ненужная смелость или небрежность приведет к вышеописанным казусам и обличению в ложных домыслах.

Некоторая сухость нашего документального повествования о подвигах преподобного Трифона и его братии будет скомпенсирована художественной поэтичностью нашей поэмы, более достойно и красочно прославляющей этих великих подвижников Кольского Севера.



СКАЗЫНИЕ О ТРИФОНЕ ПЕЧЕНГСКОМЪ



ЧАСТЬ 1

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ТРИФОНЯ ПЕЧЕНГСКОГО



Глава 1

Монах Трифон

Призвание Господом Митрофана

Из сердечных молений был соткан
Мой о Трифоне авве рассказ.
Богомолец смиренный и кроткий
Он услышал от Господа глас,

Повелевший ему все оставить,
В край далекой полночной страны
Свои стопы немедля направить,
Положить в Славу Божью труды ...

На краю ледяных океанов
Погибает Лапландии люд
Из-за власти бесовских шаманов,
Что в погибель их души ведут.

Лес дремучий, бездонные топи,
Комаров кровожадный туман...
Там кочуют язычники-лопи,
И царит козлорогий шаман.

Там над краем суровым и мгlistым
Засветилась Востока заря,
От апостолов-евангелистов
Светом истины тьму паля...

И противились ей шаманы,
Кебуны и все силы зла,
Что б подольше в сей край туманный
Церковь Божия не пришла.

Но нельзя не прийти рассвету.
И хоть долго здесь длится ночь,
Митрофан прибыл в вотчину эту,
Прогоня всю нечисть прочь.

Вмиг восстала вся сила злая,
Нападая, спеша погубить...
Сам Господь, его благословляя,
Сохранял его жизни нить.

Хоть не раз он врагами был битым,
Потерял немало волос ...
Покрывал все святою молитвой,
Всех жалел, не жалея слез.

Он у Бога просил терпенья,
И молил о прощении всех ...
И взирая на это смиренье,
Дал Господь утешенья успех.

Победивши смирением злобу,
Он любовью сердца наполнял.
И пришли к нему первые лопи.
Это было начало начал...

Приходили из ягельной тундры,
Из нагорий и диких лесов
Те, кому было страшно и трудно
Вырваться из власти бесов.

Всех встречая радушно и строго,
Им о Господе он говорил,
И во имя Великого Бога –
Святой Троицы их покрестил.



Так собралась здесь первая братия
Полагать свой молитвенный труд,
Из-под тяжкого ига проклятья
Свой лопарский вымаливать люд.

В Новограде они испросили
Артель плотников и, наконец,
Деревянную церковь срубили,
Святой Троице – первый венец.

Там, с молитвой ее освятивший,
Священноиннок из Колы Илья,
Митрофана в монахи постригший
И начало тем положивший
Трифонова жития...

Искушения Трифона

Пусть сокрыла забвенья завеса
Тех спасительных множество дел,
Что в бореньях с бесчисленным бесом
Мудрый Трифон соделать успел.

Только подвиг запомнят навеки,
Что апостол наш Кольский творил.
Просвещающая сердца человеков
Светом Истины Господа Сил.

Сердцем инок в молитве горячей
Распался, как в горне металл,
Чтоб наветы страстей находящих,
Дух Святой, как огонь, поपाल.

Силы тьмы и лукавых боренья
Час ночной вновь и вновь приносил.
Разгоняли ночные моленья
Торжество смертоносных тех сил.

Не дремали и страхи ночные,
Те, что сна нарушают покой.
Там рычали исчадия злые
Под волков несмолкающий вой.

И сверкая глазами кроваво,
Скрежетали зубами во тьме.
Ожидал Трифон близкой расправы
От лютующей своры чертей.

Аки лев, тот что ищет, рыкая,
Душ людских, что бы их поглотить,
Все кружилася демонов стая,
Крови Трифона жажда испить.

В том смертельном врагов окруженье
Безоружен, совсем одинок,
Трепетал Трифон в сильном смятенье,
И помочь ему мог только Бог.

Он к нему вопиял непрестанно
И крестом ограждался честным.
Приходило спасенье нежданно,
Исчезал ворог вмиг, словно дым.

То вставали в ночи привиденья,
От которых немеет душа.
В жилах крови идет ледененье,
И становится трудно дышать.

То дыханье ужасного ада
Леденило у Трифона кровь.
Но вставала пред бесом преграда –
Милосердного Бога любовь.

От начала веков мирозданья
Возлюбил Бог творенье свое,
Что грехи, искупая страданьем,
Крест свой нес через все житие.

Попадал он в уныния сети,
Что лишают надежды и сил.
Руки виснут бессильно, как плети,
И становится свет весь не мил.

Прибегал он к спасенью молитвой,
Попалывшей лукавых бесов,
Как кинжалом невидимой бритвы,
Рассекавшим давящий покров.

Час дневной воевал по-иному,
Навевая мечтания дым.
То тоска нападала по дому,
По родным и любимым своим.

Как же там им живется родимым,
Не грозит ли им горе – беда?
И терзалось сердце у сына,
Что покинул он их навсегда.

Край суровый хотелось оставить,
Был он страшный, холодный, чужой.
И стопы к Новограду направить,
Блудным сыном вернуться домой.

И тогда пред душою мятущей,
Что сыновних напилася слез,
Как Петру, появился грядущий,
За него на распятье Христос...

Леность кралась бесшумною кошкой,
Руки, ноги в оковы плела:
«Отдохни-ка ты, Трифон, немножко,
А потом все управишь дела».

То рекла: «Суеютой бесконечной
Утруждаешь себя каждый день.
Ведь не будешь трудиться ты вечно,
Отдохни», – шепчет вкрадчиво лень.

Ум благой узнавал искушенье,
Расслабленье телесное гнал.
Осенял себя Трифон знаменьем
И на труд, как на брань, восставал.

Все дела освещал он молитвой,
Тайной силой Божественных слов,
Вел незримую с бесами битву
В хладном мраке полярных лесов.

В соблазнительных часто виденьях
Находила и плотская страсть.
Но спасался наш Трифон в моленях,
Чтоб, как инок, от беса не пасть.

Подвиг апостольский

Крест монашеский очень суровый,
Но апостольства подвиг сложней.
Нужно было и делом, и словом
Достучаться до сердца людей.

Приходил он в лопарские чумы,
Свет Евангеля им приносил,
Чтоб развеять их мрачные думы
От влиянья языческих сил.

И скрипели зубами шаманы,
Били в бубен, костями трясли.
Колдовским своим страшным дурманом
Все пытались его извести.

Но увидев, что нет у них власти
Над подвижником Божьим, святым,
Проклинали его и несчастья,
Говорили, приносятся им.

Лопарям они грозно вещали,
Что приносит он в стойбища мор.
Соплеменников всех застращали,
Боевой поднимая топор.

Говорили, что в нем вся причина
Их болезней, напастей и бед.
И что всякий лопарский мужчина
Погубить его должен в ответ.

А иначе все добрые духи,
Изначально хранившие род,
Отвернутся от нас, и как мухи
Вымрем мы, если он не умрет.

И внимая им, люди слепые
Забывали добро Божьих слов,
Нападали, как хищники злые,
Проливая невинную кровь.

Был не раз он побит, изувечен,
Злой толпой ослепленных врагов,
Для которых желал жизни вечной,
Избавленья от рабских оков.

Он скрывался в глубокой пещере,
Где найти его недруг не мог,
Не страшны были хищные звери.
Утешал его только Сам Бог.

Исцелял его тяжкие раны,
Укреплял его Духом Святым,
И вся злоба рогатых шаманов
Исчезала, как призрачный дым.

Как ледник растопляется солнцем,
Так и ненависть плавит любовь.
Отогрелись и души чухонцев
Теплотой аввы Трифона слов.

Лишь с очей исчезала завеса,
Представал пред язычником Бог,
Отгоняя лукавого беса,
Открывая спасенья чертог.

Исчезали шаманов заклятья,
И шел к Трифону новый лопарь.
Так собралась первая братия,
Души Богу сложив на алтарь.

Говоря им об истинном Боге,
Что явился началом начал,
Авва Трифон в сердца тех немногих
Основания веры влагал.

Говорил о невидимой битве
Между силами зла и добра,
Научал их смиренность молитвы
Той, что будет спасенью сестра.

Научались они понемногу
Точно братья в согласии жить
И всем сердцем Единому Богу
Беззаветно и верно служить.

Совершали они подвиг славный,
И наставником их был Спаситель.
Ну а целью для иноков главной
Будет иноческая обитель.

Монастырь Святой Троицы

Вот во время ночного моления,
Когда Трифон, как столп, пламенел,
Удостоен был чуда виденья,
И обитель святую узрел.

Возвышалась из бревен обитель,
Осеньял ее благостный крест.
И на глади реки тайнозритель
Увидал отраженье небес.

Стал готовиться Трифон в дорогу,
Осознав откровения суть.
Взял с собою умельцев немногих
И отправился с братией в путь.

Вознесли они к Богу молитвы,
Испросили терпенья и сил,
Чтоб в пылу предстоящей им битвы
От лукавых Господь защитил.

Чрез леса и болота тропюю,
Что невидимо Дух им торил.
Они вышли на место святое,
Что Господь им в виденье открыл.

Топоры, точно дятлы, стучали,
Сыпал хвою подрубленный лес.
Монастырские стены вставали,
Исполнялася воля Небес.

В новой келье свершили моленье
И решили идти в Новоград,
Испросить себе благословенье
На храм Божий – отраду отрад.

Путь далекий, отважно свершая,
Не считая мозолей и ран,
Шел воитель сурового края –
Кроткий Божий слуга Митрофан.

В Новограде стопы устремили
В храм Софии, что к Богу звала.
Там молитву свою совершили,
Что б Господь все управил дела.

Вот к Владыки Макария келье
Подошел молодой Митрофан.
Шрамов много зияло на теле
И душа вся стонала от ран.

Взором мудрым Владыка взирает,
В нем Угодника Божия зрит.
Он радушно их всех принимает
И о подвиге им говорит.

Узнает, что желают креститься
Много в дальнем краю лопарей,
Что б душою своей просветиться
От священников – Божьих людей.

Как отец он их благословляет
На строительство церкви святой,
С ними плотников в край отправляет,
Где царят хлад и сумрак ночной.

Он беседует мудро и долго
С Митрофаном о деле его,
Раскрывает понятия долга
За всю новую паству его.

Говорит и о Промысле Божьем,
Что над ним совершает Господь,
Открывая ему осторожно
Цепь грядущих трудов и невзгод.

«Ты опорой мне будешь в тех землях,
За тебя, как за сына молюсь,
Что б обители Троицы внемля,
Бог хранил Заполярную Русь».

Путь обратный они одолели,
Край дремучий оставил свой сон.
Пилы грустные песни запели,
Топоры рассыпали трезвон.

А когда церковь Божью срубили,
Наполняя молитвы теплом,
Все подвижники счастливы были,
Храм для инока – истинный дом.

Монастырь оградили стенами
От волков и двуногих врагов.
А молитвы всеильное пламя
Разрушало нападки бесов.

Беззаветно монахи трудились,
Разрастался и креп монастырь.
Путем праведным к Богу стремились,
Трифон мудрый им был поводырь.

Покрывает же Божия Сила
Всех, кто трудится к славе Небес.
Рыбу в дар им река приносила,
Грибы, ягоды жертвовал лес.

Мать-Земля урожай им давала,
Тот, что полит потами трудов.
Те угоды сурового края
Принесли много добрых плодов.

В самом сердце студеного края,
Среди диких лесов и болот,
Беззаветно свой подвиг свершая,
Подвизается Божий народ.

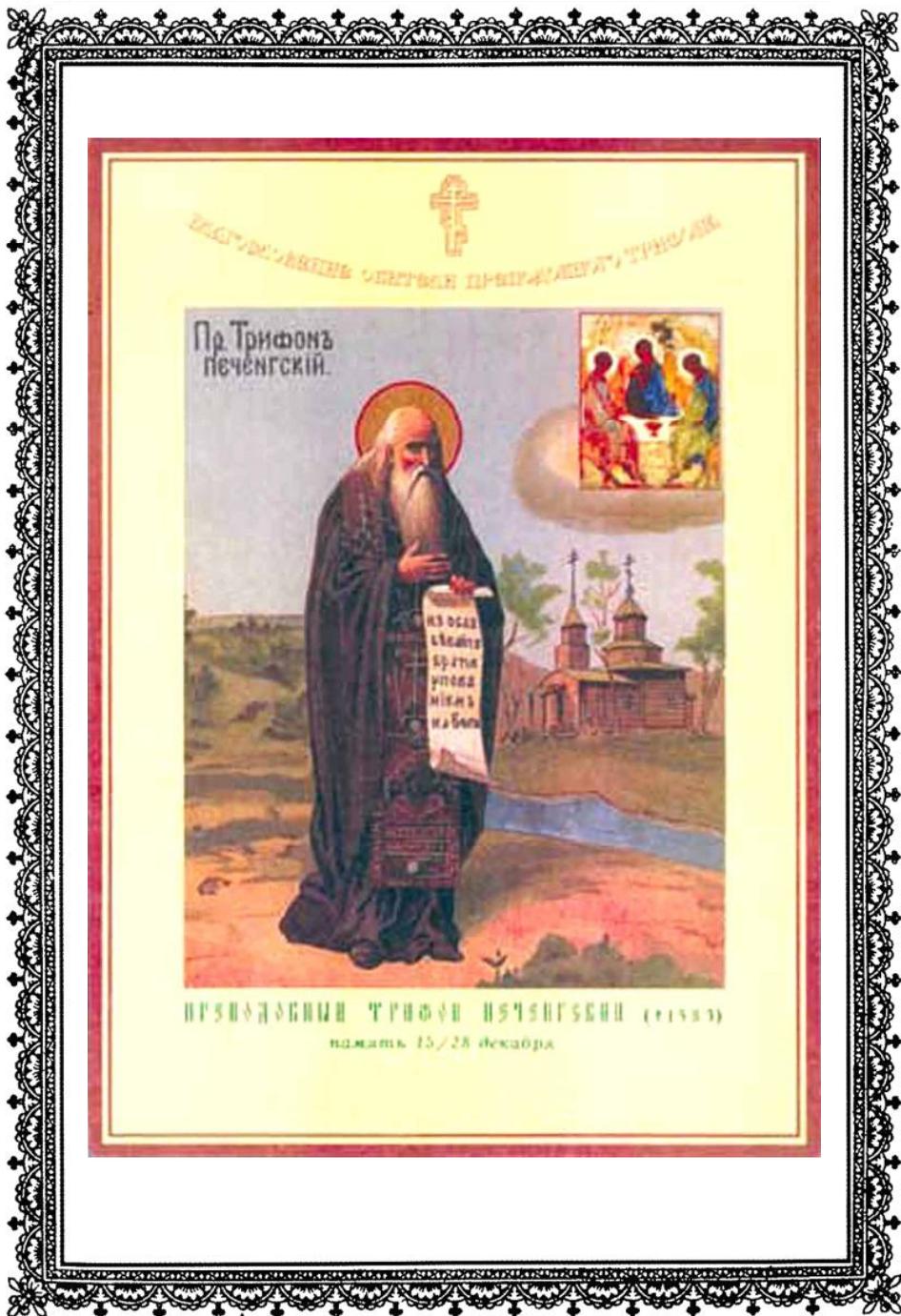
Освещались окрестные веси
От молитвы монахов с тех пор.
Им с утра вторил радостной песней
Птах лесных несмолкающий хор.

А пугливые леса зверушки,
От монахов не видя вреда,
Собирались порой на опушке,
Как пушистых комочков орда.

С любопытством они наблюдали
За людьми из укрытий своих,
Изучали и к ним привыкали
Эти стайки собратьев меньших.

Приходили и хищные звери,
Кто рыкая, кто воя в ночи.
Угашая их ярость, летели
К ним молитвы под пламя свечи.

Утихала вмиг ярость слепая
И волков несмолкающий вой.
Усмиренная злобная стая
Уходила с опушки святой.



Глава 2

АВКА ТРИФОН

Чудеса и подвиги Трифона

Дот, владенья свои озирая,
Вышел сам на людей посмотреть
Властелин того дикого края –
Косолапый громадный медведь.

По-хозяйски он вышел из бора,
Обошел монастырь, не спеша.
И владенье монахов бесспорно
Здесь признала медвежья душа.

Вышел Трифон в минуту лихую
И медведя крестом осенил.
Зверь великую силу почувял
И главу свою молча склонил.

С той поры великан стал послушным,
Никакого не делал вреда,
А святого подвижника душу
Полюбил этот зверь навсегда.

Выносил ему Трифон покушать,
Добрим словом его наставлял.
Со смирением зверь его слушал
И как будто бы все понимал.

Вмиг любовь Преподобного Аввы
Обогрела медведя теплом,
Словно светом Божественной Славы
Просветился души темный дом.

Все, что было когда-то, вновь будет,
Все благое – от Господа Сил.
И великого Сергия чудо
С Божьей помощью Трифон свершил.

Разработала братия поле,
Стали сеять пшеницу и рожь.
Но нужны жернова для помола,
Где их в пустыни этой найдешь?

Вновь собирается в путь инок чудный,
В край, куда нет тореных дорог.
Путь свершает опасный и трудный
В край, где ждет его Кольский острог.

Когда путь завершает свой в Коле,
То торопится прежде всего,
В церковь Божью к Святому Николе,
Просит помощи скорой его.

По молитве святого Николы
Воплощаются в дело слова.
И находятя Трифону вскоре
С Божьей помощью жернова.

Жернов каменный очень тяжелый,
Как тот крест, что несет всяк монах.
И выходит наш Авва из Колы,
Камень тяжкий неся на плечах.

Путь далекий и очень опасный,
Трифон камень, как каторжник, нес.
Вспоминая, как крест свой ужасный
На Голгофу влачил наш Христос.

Когда в стены, шатаясь, обители
Он вошел, жернов сбросив долой,
На плечах его, как у Спасителя,
Кровью раны струились святой.

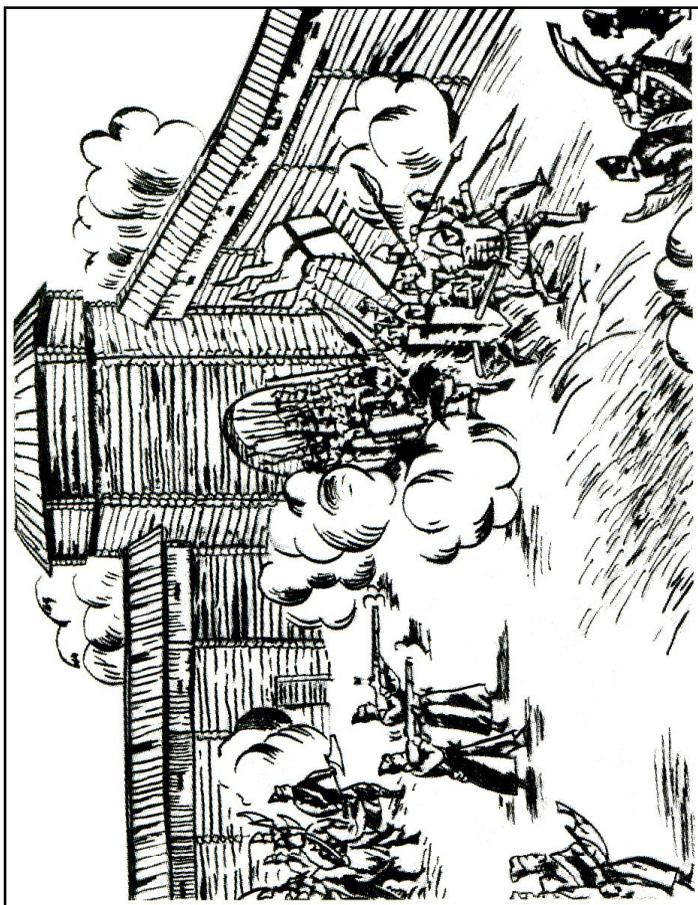
Так, примером служащий спасительным,
Вел он братию верной тропой
Ко Христу, в стены вечной обители,
В мир небесный из жизни земной.

Труд монахов с тех пор стал основой
Проживания в этой глуши,
И молитвы всесильное слово
Бесконечно звучало в тиши.

Нападение шквенок

Монастырь процветал, развиваясь,
Православья оплотом являясь,
Освятая все Духа огнем.
Душ все больше спасалось в нем.

Днем и ночью творилось моленье.
Враг лукавый терпел поражение
В том невидимом миру сраженьи,
Но готовилось вновь искушенье.



*Старинная гравюра с изображением нападения
на Печенгский монастырь в конце XVI века*

Когда Русь, осложнив положенье,
С крымчаками вступила в сраженье,
Король Густав с фамилией Ваза
Слал отряды на Русь раз за разом.

В Карелии шведы те зверства чинили.
Им финны усердно и рьяно служили,
Селенья сжигали, чинили грабеж.
Где правда убита, там царствует ложь.

Погибель идет по широкой дороге,
И вот она вновь уж стоит на пороге...
Порой невозможно укрыться от бед,
И Трифон призвал монастырь на совет.

«Из Швеции вражья торится стезя.
Враг скоро здесь будет, нам смертью грозя.
Не сможем отпора достойного дать,
Придется нам, видно, здесь всем умирать.

Меня смерть, поверьте, совсем не страшит.
Никто из людей ее не избежит.
Но страшно святыню отдать на позор,
Над ней поругаться захочет сей вор.

Какой же тогда дам я Богу ответ
За то, как исполнил монаший обет?
Любой жизнь отдать за Иисуса готов.
Не мало мы пролили, братья, потов,

Построив в краю сем святой монастырь.
И был я вам, грешный, во всем поводырь.
Но силится враг совершить разоренье
Обители сей и святынь оскверненье.

Поэтому, ревность имея по Боге,
Святыни укроем мы в Кольском остроге,
Который врагу будет не по зубам.
Вернутся святыни потом снова к нам.

Пусть стар кто и болен обитель оставит
И стопы немедленно в Колу направит,
Все наши святыни туда унесет,
Покуда враг лютый назад не уйдет.

Обитель сия – жизни в Боге начало.
Оставить ее нам врагу не пристало.
Поэтому бой здесь последний дадим,
Исполним свой долг и умрем как один».

Так авва закончил свое наставленье,
И всяк исполнять начал благословенье.
Святыни собрали и тронулись в путь.
Скорбью наполнилась иноков грудь...

Послушников, трудников малая рать
Ворота и стены пошли укреплять.
Сбирать стали копья, мечи, топоры –
Помощников страшной военной поры.

Монахи, те тоже пришли во движенье.
Желал каждый воином быть во сраженьи.
Ответил им Трифон: «Наш Сергей отец
Да будет примером для верных сердец.

Схимник Ослябя и Пересвет
Подвигом славным уж дали ответ.
Не будем мы «овцами на заколенье»,
В смертельное вступим с врагами сраженье».

Вороны с криком над кручей летали,
Над Печенгой темные тучи сгущали.
Готовился к битве святой монастырь,
Молитвы текли и струилась псалтырь.

* * *

Несли нам шведы смерть и горе,
Шли, точно демоны в ночи,
А в монастырь пришли поморы,
Оставив сети, взяв мечи.

Отчизна вновь от боли стонет,
И потому в сей грозный час,
Уснет рыбак, проснется воин,
Оставив дом свой и карбас.

Пришел свершить свой подвиг славный
Всяк, живший честным здесь трудом,
Жизнь положить за православный,
Святой Живого Бога дом.

Их встретил авва Трифон в храме,
Игумен Гурий причастил.
Должны мы все пред Небесами
Предстать в сияньи Светлых сил.

Вот грянул враг. Его движенье
Заметить можно по дымам.
Все подвергал уничтоженью,
Все сожигал проклятый хам.

Дымы почуяв, зверь скрывался
И в лес поглубже уходил.
Люд православный собирался
В обитель светлых Божьих Сил.

Вот шведы ринулись в обитель,
Врата пытаются сломать.
Не инок встретил их – воитель,
Поморов доблестная рать.

Но частокол с воротами прочны,
И грозен стал набата глас.
Стрелой охотники бьют точно
Зверей двуногих прямо в глаз.

Опять ревут призывно трубы,
И шведов новый рвется вал...
Топор тяжелый лесоруба
Разит двуногих наповал...

Вкруг крики, стоны, стрелы свищут,
Звенят мечи и топоры.
И смерть опять кого-то ищет,
Забрать желая до поры...

В сей час жестокий и кровавый
Всяк инок вспомнил свой обет
И в бой пошел не ради славы,
А так, как сделал Пересвет.

Плечом к плечу сражались братья,
И жизни грубо рвалась нить...
Сражался всяк со вражьей ратью,
Чтобы святыню защитить.

Враг отступил, неся потери,
Когда шестой отхлынул вал.
Не мог своим глазам поверить
Швед, что добычи легкой ждал.

Коль не добрался враг до церкви
Ценою жизней, многих ран,
Тогда сжигать он начал верфи,
Тони рыбачьи, рыбный стан.

Топтал посевы, огороды
И монастырский резал скот.
Так зло творили те уроды,
Бес в злой улыбке корчил рот.

Приказ их родины далекой, –
Так повелел им шведский трон:
«Всех русских истребить жестоко,
И нанести Руси урон».

Но вот вражины отступили,
Сжигая все, что можно сжечь,
И всех, попавших в плен, убили...
Слепа и беспощадна месть.

Похоронили братьев павших,
Омыла глаз живым слеза...
С отпевом, души очищавшим,
Открыт им путь на Небеса.

Труды и время лечат раны,
Из пепла Феникс восстает.
На бреге Печенги и Манны
Святая вера не умрет!

Подвиг Соловецкого монастыря

Кладет опять труды работник,
Что бы исправить вражий вред,
И чинит стены снова плотник,
Защиту от возможных бед.

Но скот домашний не родится,
И овощ вновь не зацветет...
Монастырю, что б возродиться,
Ждать не один придется год...

Приходит инок одинокий,
Из Соловков приносит стон.
Благословлен он в путь далекий-
К царю идет он на поклон.

* * *

Их монастырь, не исключенье,
Подвергся шведов нападенью.
Враги на штурмы шли не раз,
Казалось, близок смертный час.

Но вот, в пылу смертельной битвы,
Когда все воины убиты,
Иль раны тяжкие несут,
Свершил игумен Божий суд.

К концу уж близилось сраженье,
В рядах защитников смятенье...
К монахам вышел настоятель:
«За вас пред Богом я предстатель,

Ответ несу за ваши души.
Святыни я не дам порушить,
Не брошу их под ноги псам.
Сейчас взываю к Небесам:

«Отец Небесный, Святый Душе,
Ты со Христом нас всех послушай.
Как нам исполнить свой обет
И монастырь спасти от бед?»

Недолго нам осталось жить,
Готовы чашу все испить,
Что нам готовит Вседержитель,
Но горько сдать врагам обитель.

В стенах священных алтаря
Прольется скоро кровь моя.
Сюда ворвется вражья сила,
И станет монастырь могилой

Для всех защитников его.
Но все мы просим одного –
Что б нас Ты всех благословил
С врагом сразиться в меру сил».

Господь, как любящий Отец,
Горенье видел их сердец
И, внемля пламенной молитве,
Благословил их всех на битву.

Тут Сила Божия, как знамя,
Зажгла в сердцах бесстрашья пламя.
Готов стал каждый в том бою
С врагом положить жизнь свою.

Вот вышел к братии игумен,
Всегда он мудр был и разумен.
Христова воинства воитель
Провозгласил на всю обитель:

«Пусть инок, слыша мою речь,
Берет, не дрогнув, в руки меч,
Топор тяжелый иль копье
И вражье бить идет зверье.

Сражаясь, пусть отбросит страх,
То враг не наш, то Бога враг.
Непротивленьем злу не связан,
Его всяк воин бить обязан».

Вот, получив благословенье,
Пришло монахов подкрепленье,
И преломился ход сраженья.
Враг затрубил об отступленье.

Враг отступил, неся потери.
Обитель не открыла двери
В смиреньи глупом и слепом,
И не пустила зверя в дом.

Спас Боже православных души.
Но враг вокруг все начал рушить
И все, что смог он, сожигать.
Он мог, как бес, лишь разрушать.

Ушли бесславно, без победы
В свои края вояки шведы.
Не поддалась мечу твердыня.
Но вокруг нее – одна пустыня...

* * *

Земле мы предали всех павших,
И каждый Господа молил
Всех их, за веру пострадавших,
Принять в ряды Небесных Сил.

Восстановить обитель сложно
На наших дальних островах,
И потому, если возможно,
Пойди и ты со мной, монах.

Пойти мне должно в град-столицу
С прошеньем к грозному царю.
Возможно лишь его деснице
Помочь восстать монастырю.

Ты, авва, был бы мне наставник,
В пути опасности, зверье...
Как сей обители начальник
Мог попросить и за нее.

Хождение в Москву к царю Ивану Грозному

Тут авва Трифон помолился,
Со всею братией простился,
И вышли двое в дальний путь,
Молитвой согревая грудь.

Прошли они путь многотрудный,
От хищников и злых людей.
Хранили святостью их чудной
Молитвы двух монастырей.

Вот перед ними град-столица.
Заходят для молитвы в храм.
Господь сподобил им явиться
Духовно царственным очам.

Вот государь их вопрошает
На удивленье всех бояр.
Им видеть слепота мешает,
Лишь у царя есть Божий дар.

Узнавши, кто они, откуда,
Царь назначает встречи час.
Здесь завершилось Божье чудо,
И скрылись иноки из глаз.

На завтра иноки приходят
И низко бьют царю челом,
К Ивану Грозному подходят,
Склонив главы. Их знает он.

О чудном говорит виденье
И благосклонно внемлет им.
Вот Трифон – лопи просвещенье
И Соловецкий инок с ним.

Господь открыл духовность вашу.
За подвиг вас благодарю.
Весь монастырь, всю братию вашу
По-царски щедро одарю.

Нам очень важно, что б твердыни
В краях студеных тех морей
Хранили, множили святыни
Под стягом русских лишь царей.

Я потому дарю вам реки,
Озера, земли и леса,
Что б воссияла там навеки
Руси божественной краса.

Я дам вам злато и подмогу,
Все царской грамотой скреплю.
Все восстановим понемногу,
За службу всех благодарю.

Нужны мне слуг отважных рати,
Что б ересь с подлостью разить,
И что б изменников из знати
Рукою твердою казнить.

Что б Русь они не смели грабить
И, как иуды, предавать.
Их над народом гнет ослабить,
Богатств на крови не стяжать.

Полки опричные отважно
Громят ливонцев, бьют татар.
Мне потому особо важно
Стяжать молитвы Божий Дар.

Я в помощь жду от вас молитвы,
Что перед Богом так сильна.
Я каждый день веду здесь битвы,
Не прекращается война...

Царевич Федор, не монету,
Снимает с плеч своих кафтан
И говорит, что жертву эту
Дарует Трифону во храм.

Царю откланялись монахи
И в путь обратный подались.
А впереди их ждали страхи
За милость царскую и жизнь.

Что б донести все то сохранно,
В обитель злато принести.
Ведь очень трудно без охраны
Проделать было им пути.

Злобилась вражеская сила,
Чинила козни им в пути.
Но Милость Божья их хранила
И помогла без бед дойти.

Не посрамил Господь надежды
На помощь в горе Божьих Сил,
И монастырь расцвел, как прежде,
Став даже краше, чем он был.



ЧАСТЬ 2

ИОНАХ ИОНА-ВОСОЯХА





Богатырь Евпатий



ЧАСТЬ 2

ИОНАХ ИОНА-РОСОМАХА



Глава 1

БОГАТЫРЬ ЕВПАТИЙ

Воин Евпатий

Над Печенгским лесом, над кронами сосен,
Раскинулась неба морозная просинь.
Наст снежный скрипит под санями монаха,
В Успенскую пустынь скользит Росомаха.

На зимней дороге под сосен трезвоны
Монах вспоминал о покинутом доме,
О бабушке с матушкой – сердца отраде,
О жизни былой во стенах Новограда.

На царскую службу – страну защищать,
Был призван Евпатий в отважную рать.
Соседи все знали, боялись как тати,
Разящих мечей, копий кованой рати.

По зову Отчизны и воле царя
Отправилось войско в чужие края.
К Ливонии, ставшей страной лютеранства,
Погрызшей в пороках разврата и пьянства.

Тяжко жилось людям русским в тех странах,
Горькая участь – удел православных,
Коли не люб тебе дух лютеранства,
Будешь до смерти влачить цепи рабства.

Вороги злые сменяли друг друга
В этой войне против русского люда.
Ляхи, ливонцы, из Крыма орда,
Шведы, литовцы восстали тогда.

Всю молодость отдал Евпатий войне
За русскую веру в чужой стороне.
В сраженьях с Литвою, с ливонцами в битвах
Евпатия меч был разящею бритвой.

В морозном лесу размышлял Росомаха,
Вдруг случай чудесный привлек ум монаха.
Он вспомнил, как полная доблести рать
В Ливонии Нарву взялась штурмовать.

На приступ бесстрашно войска устремлялись,
Как волны морские, о риф разбивались.
О стены сей грозной, могучей твердыни,
Которая нами утрачена ныне.

Осада и штурм оказались бесплодны,
Досада с уныньем владели народом.
Когда злой корчемник – Иуда известный
В печь бросил икону Царицы Небесной.

Тогда прогневилась Царица Благая,
И печь отворилась, огонь изливая,
На дом иудея, и рядом живущих,
Обрушилось пламя из вихрей ревущих.

Пожар охватил за кварталом квартал,
И каждый, что дорого было, спасал.
Кто жизнь, кто детей, кто со златом суму,
Здесь есть от чего помрачиться уму.

Ливонцы, бросая свои рубежи,
Пошли кто спасать, кто чинить грабежи.
Ударил тогда русских витязей вал,
И с Помощью Божией город сей пал.

В дому иудея, среди гари и дыма,
Икону святую нашли невредимой.
Сей образ чудесный, что сердцу так дорог,
Достав из печи, отвезли в Иван-город.

После занятия русскими Нарвы
В городе храм возвели православный.
Звон колокольный повсюду разлился,
По улицам птицею белой носился.

С утра возле церкви теснился народ,
Все ждали Царицы Небесной приход.
Торжественно образ был в Нарву доставлен,
И в стенах церковных народом прославлен.

Победные рати вернулись домой,
В земле Новгородской их ждали давно.
На улицах лица веселия полны,
Народ ликовал под церковные звоны.

Вот в солнечном свете блестят купола,
То церковь Софии, как лебедь, бела.
Распахнуты ставни в резных теремах,
Хваление Бога у всех на устах.

А радость победы с весельем вина,
Вместили, красуясь резьбой, терема.
Но пир отгулял, и потухла заря,
Покоя не будет у богатыря.

Подкиг Ёкпатия

Однажды в корчме, что стоит у причала,
Услышал рассказ он до боли печальный.
О том, как на бреге студёных морей,
Русских тиранят враги рыбащей.

Уловы обильны в суровых краях,
Все жили счастливо, поведал монах.
Но вот из-за моря приплыл лиходей
И начал он грабить простых рыбащей.

Разбойник морской англичанином был,
У острова в море суда сторожил.
Чтоб судно рыбацкое бедных поморов,
С жестоким британцем делилось уловом.

Смертью пришелец грозил рыбалям,
Совесть на пьяный разгул променял,
Пост христианский не блюл никогда,
Кальвина ересь – Европы беда.

Инок Евпатию горечь излил:
«Нет у людей уж терпенья и сил
Насилье терпеть от пришельцев врагов,
Избавиться жаждут от гнусных оков.

Но нет среди них удалого бойца,
Что в схватке бы смог поразить подлеца.
Пытались не раз восставать на него.
Разбойник убил их всех до одного.

Я слышал, ты доблестный воин, Евпатий,
И если б решил постоять ты за братьев
И русских спасти от беды рыбаков,
Живущих на бреге студеных морей,

Прогнать бы врага, что б исчез он как дым,
То стал бы ты братом для всех дорогим». Собирается снова Евпатий в дорогу,
Молитву возносит Всевышнему Богу:

«Господи, путь мой ты благослови
В край, что не ведает Божьей Любви,
Туда, где холодные скалы и льды
Свету внимают Полярной звезды.

В край, где полгода полярная ночь
Свет всякий гонит с усердием прочь.
Туч пелена там висит в небесах,
Бесы царят, и господствует страх.

Но наступает и там дивный день,
Гонит ночную давящую тень.
Солнце без усталости будет сиять,
Свет для души, как Небес благодать».

Зеленью весенней оживилась даль,
С талою водою прочь бежит печаль.
Два усталых путника шли издалека,
С молитвою дорога становится легка.

И вот перед ними ворота острога,
Дошли наконец до родного порога.
Был инок брат старшиной рыбаков,
Евпатию дал он одежду и кров.

Боец здесь был нужен сильный и ловкий.
Утром молитвы, затем подготовка.
С усердием воин на берегу у моря
Оттачивал навыки ратного боя.

Небо и воздух объаты тоской,
Ветер тревожный гудит над волной.
Судно поморов с уловом богатым
Медленно плыло для встречи с пиратом.

Вот остров, поморы на берег сошли,
К ним люди лихие тот час подошли.
Ватага жестоких и алчных пиратов
Тревожила всех, кто вставал здесь на якорь.

Угрозы и грубость незваных гостей
Гнев праведный вызвали у рыбащей.
Разбойникам подать платить отказались,
Сказав лиходеям, чтоб те убирались.

Белые чайки парят над волнами,
Ветер соленый пронзая крылами.
На остров они безучастно взирали,
Где мытари злые с поморами дрались.

Оброка не взяв, шайка воров бежала
От смелых поморов с морского причала.
Ушли лихоимцы, но праздновать рано,
Все ждали прихода вождя басурмана.

И вот, пред рыбацкой дружиной поморов
Предстал иноземец с командою воров.
Высокий толстяк с кулаками большими
Упрямец топил в моря синей пучине.

Британцу Евпатий свой вызов бросает
И врага злого на бой вызывает.
Надеждой пылают поморов сердца,
Все Господу молятся за молодца.

В весенний день пасмурный спряталось солнце,
На острове диком сошлись ратоборцы.
Местами земля была белой от снега,
Холодные волны шумели у берега.

Британец был мастером смертного боя,
И многих бойцов он навек упокоил.
Рычал и вопил, словно в море гроза,
Бил в сердце и горло и целил в глаза.

Разбойника воин ударил в висок
Тяжелой десницей. Тот пал на песок.
Лишился последних он жизненных сил,
Проклятье изрек и свой дух испустил.

Лежит недвижим предводитель морской
Команды пиратов, чинившей разбой.
Поморы ликуют: «Евпатий герой»,
И Бога прославив, отплыли домой.

Сей остров известен своим рыбным станом,
Причал здесь построил Аника Строганов.
И место устроил для рыбного торга,
Куда устремились поморы с восторгом.

Для русского Царства им сделано много,
Вдоль Кольской реки возводил он остроги,
Чтоб русскому люду здесь жилось привольно,
От частых набегов врагов беспокойных.

Детей воспитав в благочестии строгом,
Аника учил их стяжанию по Боге.
Учил сыновей Богу быть благодарным,
Отдать в монастырь рыбный стан с солеварней.

Здесь в жизнь воплотились Аникины планы,
Поморы навеки ему благодарны.
И русский народ его труд прославляет,
Два острова в память о нем называет.

Тревожная серость ушла с небосвода,
И ветер мчит судно по пенистым водам
В Кольскую землю с уловом богатым.
С пристани в Церковь путь держит Евпатий.

Солнце золотое сияет над Колой,
Светится в сердце имя Николы.
Любимый святой и заступник поморов,
В скорбях и бедах помощниче скорый.

Божественной Троице славу воздали,
Святому Николу канон прочитали.
Рыбацкому счастью не видно конца,
В их бедственный край Бог прислал удалца!

Глава 2

Послушник Трифона

Монах Иона

Край заполярный – затерянный мир,
Лето здесь мчится, как сказочный миг.
Темна, словно сажа, полярная ночь,
Зимы бесконечной любимая дочь.

Сопки унылые в тундре, да мхи.
Медленно тянутся хмурые дни.
В озерах и реках хороший улов
Из дальних земель привлекал рыбаков.

Пенные волны уносятся в даль,
В беге их шумном тоска и печаль.
Ночь белая дремлет на тундровых мхах,
Бескрайнее море ей видится в снах.

В озерные глади под сенью небес
Веками глядит заколдованный лес.
Морошка цветет средь болотистых мхов,
А путников ждут стаи злых комаров.

Как странник усталый с дорожной сумой
Приходит на север день лета златой.
Луч солнца скользнет за покров облаков
И душу избавит от хлада оков.

На запад летит утомленное солнце,
Закончился праздник в селении Кольском.
Зовет в путь обратный тоской синеокой
Евпатия Новгород – город далекий.

Кольский покинув острог, богатырь
К Трифону в дивный спешит монастырь.
Лесною тропой и болотиной хлябкой
Мимо морошки янтарной и сладкой.

Миг наконец настает долгожданный,
Течет мирно Печенга, плещется Манна.
Был явлен тогда изумленным глазам
Искусной рукою построенный храм.

Ветер, уныло махая крылами,
Грустную песнь напевал над волнами.
Иноки в церковь из келий идут,
В храме земные поклоны кладут.

В храме Печенгском служили вечерню,
В тиши монастырской Евпатий примерно
Молил Божью Матерь, святого Предтечу,
Чтоб чудно устроилась с Трифоном встреча.

Желал он увидеть блаженного старца,
Которым край северный стал просвещаться.
Внимая Христу, из земель Новгородских
Спасенье принес он для жителей лопских.

В обильно молитвой пропитанных стенах,
Где Бог благодать подает для смиренных,
Чтоб было успешным назад возвращение,
Хотел и Евпатий взять благословение.

Отпустом закончилась дивная служба.
Найти среди монахов Евпатию нужно
Печенгского Авву, найти непременно,
И тут его Бог наградил за смиренность.

Из врат алтаря чудный старец выходит
И к витязю шагом степенным подходит.
Промолвил негромко, но твердо чернец:
«Я рад, что пришел к нам такой удалец.

Ты хочешь скорее вернуться домой,
Но лучше забудь этот помысел свой.
Тебе, Новгородец, решать как идти,
Господь мне открыл о тебе два пути.

Коль выберешь сам ты мирскую судьбу,
В край свой вернешься, увидишь семью.
Женишься вскоре, родишь сыновей,
Но счастье твое будет кратким, поверь.

В царское войско поступишь потом,
Чтоб защищать Богородицы Дом.
Злыдни – бояре крамолу куют,
Тяжкие беды на Русь наведут.

Чтоб польско-литовскую свору унять,
Начнет собирать Русь отважную рать.
Весь цвет богатырства под стяг соберет
И тайно отправится в дерзкий поход.

Из войска никто не вернется домой,
Измена бояр тому станет виной.
Бесславно погибнут бойцы тех полков
В коварной засаде литовских врагов.

За это накажет изменников царь
Да так, как карали разбойников встарь.
Сбежит лишь один из продажных вождей
В стан ворогов лютых – княже Андрей.

Он станет врагов на страну наводить
И люд православный без счета губить.
Злобой бесовской, как Каин, горя,
Начнет клевету возводить на царя.

Личину надел на себя православную,
Но примет изменник кончину бесславную.
За кровь неповинную русских людей
Смертельную немощь получит злодей.

Таков первый путь твой земного служенья.
Второй путь, что к Небу, таит искушенья,
Которые с помощью Божьей пройдешь
И Царство Небесное ты обретешь.

Но путь этот труден и долог, сын мой.
Тебе не придется вернуться домой.
Не сможешь увидеть ни мать, ни отца.
Молитвой лишь можешь согреть их сердца.

Но Богом не будут забыты родители.
Покроют молитвы их нашей обители.
А ты станешь каждому иноку брат,
Тебя здесь увидеть и я буду рад.

Тебе путь особый пройти предстоит,
Опасностей много в себе он таит.
Особой же участи ты удостоен
И подвиг последний исполнишь, как воин.

Когда враг, свирепою злобой горя,
За стены проникнет монастыря,
Последний пробьет для всей братии час...
Врагу воздаяньем ты будешь за нас.

Как только ты выберешь правильный путь,
О том, что поведал тебе я, забудь.
Не должен никто до кончины моей
Пророчества ведать грядущих тех дней».

Тут Трифон Евпатия благословляет,
Десницу святую на лоб возлагает.
Главу поднимая, тот смотрит в глаза,
У старца бежит близкой скорби слеза.

Евпатий пророчеством сим потрясен,
Стоит перед аввой, то явь а не сон.
И сердце устами являет ответ:
«Служить Богу доли почетнее нет».

Так трудником стал новгородец Евпатий.
Труждался и жил вместе с печенгской братией.
Привыкший к смиренью и жизни суровой,
Был вскоре пострижен и назван Ионой.

В обители жизнь полюбилась Ионе.
Купалась душа в монастырском трезвоне,
Которым река освящалась и лес,
То пели глашатаи Вышних Небес.

Вставали порану – ни свет ни заря.
Сбиралась вся братия у алтаря.
Молитвы читали и пели псалтирь,
Что б Бог сохранил от врагов монастырь.

Духовных набравшись молитвою сил,
К своим послушаниям каждый спешил.
Кто тесто месил для просфор и хлебов,
Кто в Мане ловил богатейший улов.

Кто печи топил и готовил еду,
Кто потом своим поливал борозду
Землицы суровой, как весь этот край,
Которая скудный дает урожай.

Рои комариные с леса летели
Уныло пищать в монастырские кельи.
Ни ночью ни днем никому не давали
На ложах монашеских спать без печали.

«За наши грехи попустил насекомым
Господь досаждать нам» – так думал Иона.
Затеплив лучину, в монашеской келье
Вставал на молитву ночную и бденье.

На реках лесных не стучат топоры,
Там строят плотины трудяги-бобры.
Пилу заменяют им зубы-резцы.
Снуют, словно в шубах богатых купцы.

Ловили монахи в Печенгской губе
Треску, сельдь и пикшу для пищи себе.
Ловили и семгу, зубатку, форель –
Вкуснейшую рыбу тех дальних земель.

Монах Иона Росомаха

Отправившись как-то в Лодейную тону,
Монахи на промысел взяли Иону.
Взяв снасти для ловли на тоне в избе,
На промысел вышли в рыбацкой лодье.

Сеть в воду закинули други Ионы
На встречу бегущим барашками волнам.
В тот день много рыбы случилось поймать.
Прославили Бога и Божию Мать.

Шли боголюбцы по чаще лесной
С рыбным уловом привычной тропой.
Ладному пенью молитвы словес
Вторили птицы, и слушал их лес.

С молитвой любая дорога легка,
Звонит колокольня – обитель близка.
Трезвон завершился, и в следующий миг
Простор огласил полный ужаса крик.

В дебрях страдалец истошно кричал,
Словно его кто-то жизни лишал.
Иноки, сбросив тяжелые ноши,
Бросились в сторону криков истошных.

В чаще рыбак, изможденный и длинный,
Чая спастись, защищался дубиной.
Кричал, задыхаясь от боли и страха.
Свирепо бросалась к нему росомаха.

То хищник был страшный из местных зверей,
Порою дерзал нападать на людей.
Особенно тех, кто был ранен и болен,
Пред ней трепетал даже опытный воин.

Ее очень острых и крепких клыков
Боялись порой даже стаи волков.
А когти-кинжалы не хуже клинков
Немало вспороли врагам животов.

Был ранен рыбак, сотрясался от страха,
И крови вкусила его росомаха.
Уж близился схватки кошмарный конец,
Когда встал меж ними нежданный боец.

Зверюга присела и жутко завывала,
В ней точно проснулась нечистая сила.
В души вползла леденящая жуть,
Ужас сдавил тяжким обручем грудь.

Сердце забилося и словно взбесилось,
В жутком кошмаре такого не снилось...
Каждый чувствовал жертвой, готовой попасть
Росомахе в зубастую, страшную пасть.

Лютым демоном смотрит, ощерившись, зверь,
Точно кто-то открыл в преисподнюю дверь.
Обратились невольно тут иноки вспять,
Лишь Иона один не желал отступить.

Вновь доблестный воин рождается в нем,
Глаза загорелись отваги огнем.
«Помилуй мя Боже...» – творит он молитву,
Со зверем вступая в смертельную битву.

«Ты слабых обязан всегда защищать», –
Отец поучал, ему вторила мать, –
«Христовой стезе подражателем быть,
Душу за други своя положить».

В пасть зверю дубину пытаюсь воткнуть,
Он то час нож острый бросает ей в грудь.
В сраженьях врагов так умел побеждать,
Вонзился в грудь зверя нож по рукоять.

От боли обезумев, зверь бросился вперед,
Удар дубины меткий бросок его прервет.
Когда когтей кинжалы прошли на волосок,
Нежданной сединою окрасился висок.

Дубиной Иона взмахнет как мечем,
И зверь ниц падет с перебитым хребтом.
Так победитель-инок, не ведающий страха,
Свое получит прозвище Иона-Росомаха.



ЧАСТЬ 3

КОЛЬСКИЕ СТАРЦЫ



Глава 1

Старцы Трифон и Иона

Трифон Печенгский

Как не хранят светильника под спудом,
Так не возможно правды утаить.
Известно стало православным людям,
Что может Трифон чудо совершить.

Что дал ему Господь святыя силы,
Что могут от болезни исцелить.
Что от рожденья до самой могилы
Ему чужой судьбы известна нить...

Что даже в самых тяжких искушеньях
Его молитва разгоняет страх,
И получает всякий утешенье,
На деле, а не только на словах.

Все понесли ему свои болезни,
Невзгоды, непосильный сердца стон.
Встречая всех смиренно и любезно,
С молитвой к Богу обращался он.

И за его трудов больших свершенье
Господь ему просимое давал.
Кому дарил Он в горе утешенье,
Кого с одра болезни подымал.

Кому-то предстояло искушенье
Ловушкою на жизненном пути.
Давал ему наш Трифон наставление,
Как от сетей лукавого уйти.

Все воздавали Богу славословье
И с радостью шли в обратный путь.
А благодать Божественной любовью
Ум просвещала, согревала грудь.

Старец Иона

В далеком прошлом, подвизался в Коле
Священник белый, отче Иоанн.
Молился он за всех, по Божьей воле,
К нему пришедших добрых христиан.

С врагом коварным он, воюя смело,
Для Господа с усердием служил.
Доказывал и словом он и делом,
Спасительную благодать Божьих сил.

Крестил, венчал и освящал их души
Причастием Священных Тайн Христа.
Он исцелял убогих и недужных
Святой водой и силою Креста.

На свет родилось чадушко больное,
В нем было очень мало жизни сил.
Что бы спасти тогда дитя родное,
Его он сам, как крестный, покрестил.

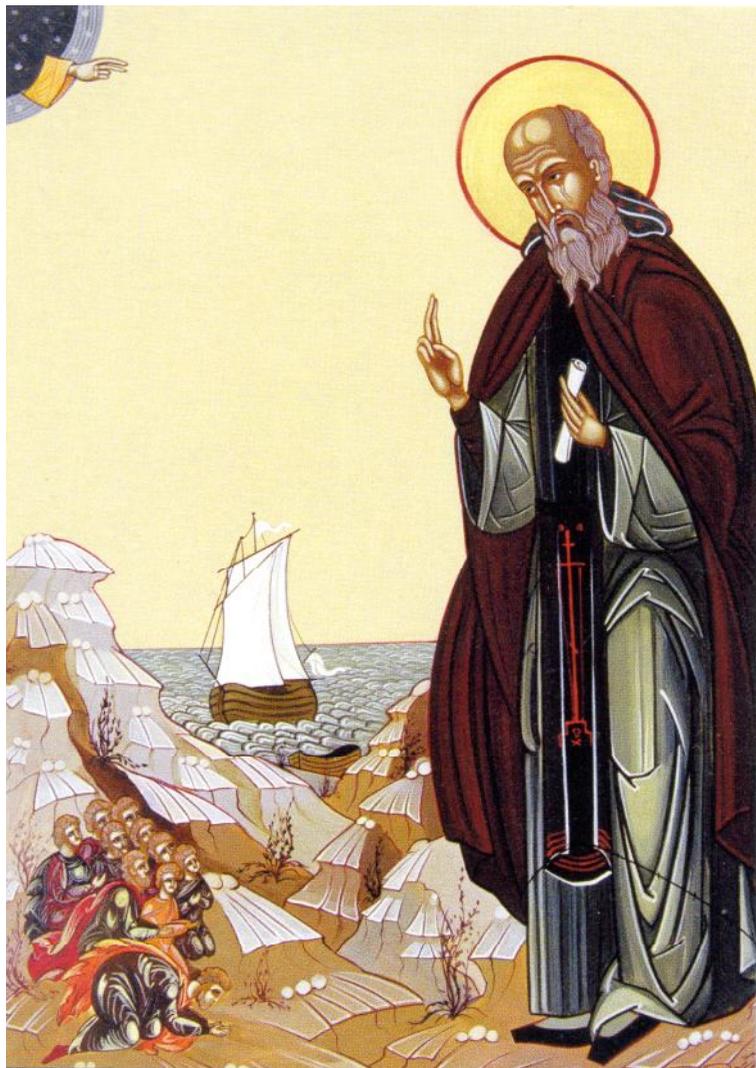
Бог укрепил тогда младенца душу,
Ведь благодать от всех спасает ран.
Но, что б закон церковный не нарушить,
В Иону был пострижен Иоанн.

Тогда пошел он к Трифону в обитель,
На острие борьбы добра со злом.
Ему стал аввой лопи просветитель,
А монастырь – как душ спасенных дом.

Иона-старец, с аввой неразлучный,
Путем аскезы и молитвенных трудов,
Был Святым Духом мудрости обучен,
И много дивных он принес плодов.

Шла к мудрому Ионе за советом
Духовных воинов монашеская рать.
Умел он всем любви бесценной светом
Лечить сердца и души согреть.

Мирской и трудник тоже был утешен,
От старца добрый получив совет.
Был он священник в своей жизни прежней,
И старый опыт спас от многих бед.



Преподобный Варлаам Керетский

Глава 2

Преподобный Варлаам

Грех священника Варлаама

Однажды как-то утром ранним,
Когда роса блистала на кустах,
К вратам монастыря подходит странник
С молитвой непрестанной на устах.

Его глаза, опущенные долу,
Не видны были из-за ставней век.
Проделал трудный путь сюда из Колы
Сей страшно согрешивший человек...

Его не устрашило расстоянье,
Пришлось идти лесами, морем плыть...
Пришел в обитель он для покаянья,
Чтоб душу авве Трифону открыть.

Пришел сюда из Керети священник,
Чей смертный грех, свершенный сгоряча,
Искуplen быть не мог ни кучей денег,
Ни острием булатного меча...

Ему навстречу авва Трифон вышел
И поднял его, павшего к ногам.
«Твой стон уже давно Господь услышал
И грех простил твой, отче Варлаам.

Твое великим было покаянье,
Бездонным был и искупленья путь.
Неисчислимы были расстоянья,
Через бездн морских лютующую жуть...

Ты в битве выстоял и награжден судьбою,
Тебя я, Варлаам, увидеть рад.
К тебе навстречу вышел не судьей,
А как любезный во Христе твой брат».

* * *

Тянулось время – океан безбрежный,
Когда себя, предав на волю волн,
Носился над беснующейся бездной
В морях студеной одинокий челн.

А в том челне сидел великий грешник,
Отчаянья страданием томим.
Слугою Божьим был он в жизни прежней,
Она с грехом растаяла, как дым ...

Когда пронзили об измене слухи,
Что принесла досужая молва,
От тех людей, которым злые духи
Смертельным ядом полнили слова,

То не стерпело сердце у мужчины,
Смутился разум, белый свет померк.
Быть не могло другой такой причины,
Что б превратился в зверя человек.

Поруганная честь была недаром
Причиной многих смертоносных дел.
И он тогда сразить одним ударом
Свою супругу-матушку посмел.

Развеять надо было б подозренья,
Поговорить и выявить навет.
Но всякий, что творит без рассужденья,
Соделать может много разных бед.

Потом стоял он, ужасом объятый,
Раскаяние рвало зверем грудь.
И ликовал лишь демон – враг проклятый,
Что смог его на этот грех толкнуть.

Искупление Варлаама

Отныне он, лишенный благодати,
Не мог свершать служенье Божьих дел.
Навлек себе на голову проклятье,
Соделав то, что лютый враг хотел.

В погибель шла теперь его дорога,
И что-то изменить не стало сил.
Своим грехом прогневал сильно Бога,
Когда и сам не ведал, что творил.

Тогда воззвал он к Богу в исступленьи,
Как может только смертник возопить:
«Чем я могу загладить преступленье,
Чтобы Твое прощенье получить?»

Услышал он: «Лишь через покаянье
Прощенье сможет грешник получить.
По тяжести содеянных деяний
Твои труды должны безмерны быть.

Пусть грех всегда твой будет пред тобою,
Чтоб ты себе ослабы не давал.
Возьми свой грех и с ним предайся морю,
Чтоб от молитв никто не отвлекал».

И вот, псалом читая покаянный,
Он тело хладное заносит в утлый челн.
И как изгнанник, грешник окаянный,
Себя предал на волю буйных волн.

И день и ночь, молитвенно стеная,
Он плыл, грехов своих узрев пучину.
«Яко беззаконие мое аз знаю
И грех мой предо мной есть выну ...»

Желал избавиться от бремени сего,
Молил он Господа, главу свою склоня:
«...Омой мя от беззакония моего,
И от греха моего очисти мя...»

Нельзя измерить меркою обычной
Течение времени среди ревуших волн.
Когда гроза гремит, и ветер свищет,
И молнии грозят вонзиться в челн.

Когда тебя с косою старуха ищет,
Опасностью грозя со всех сторон.
А для души одно лишь служит пищей –
Давидов покаяннейший псалом...

Вставали ночью спруты из пучины,
И змеи-щупальца охватывали челн.
Глаза светились яростью звериной
Из пены разбивающихся волн...

Желал сей демон спутать морехода,
И ужаса оковами сковать,
Что б задушить его в глубинах водных.
Но слова Божьего спасала благодать...

Когда творил изгнанник сей молитву
И осенял чудовище крестом,
То сам Господь вставал с врагом на битву.
Враг исчезал, бессильный пред Христом.

Порой акула хищно приплывала.
Глаза убийцы виснут за бортом.
Она свою добычу изучала
И страшно била в борт своим хвостом.

Челн содрогался от ударов мощных,
И устремлялась через борт вода.
Еще чуть-чуть – и в темноте полночной
От лодки не осталось бы следа...

Но не творит враг боле произвола,
Чем Бог ему попустит, разрешит.
Угодник Божий – сам святой Никола
Молитвенника в море сохранит.

Проходит вечность тех морских скитаний
На грани жизни с смертной темнотой.
И череда жестоких испытаний
Похожа на один смертельный бой.

Преподобный Варлаам Керетский

Когда в пылу жестокой этой битвы,
Которую рассудком не понять,
На зовы бесконечной той молитвы
На Варлаама сходит благодать.

Когда у мученика кончились все силы,
И к жизни оборвались все пути,
Тогда покоя он в морской могиле
Желает напоследок обрести.

Заходит он в залив, что мореходы
Обходят, чтобы смерти избежать.
Полны червей морских гнилые воды,
Что судно точат, чтоб на дно послать.

Он к Богу обращается в молитве,
Что нет терпенья у него и сил,
Что он готов погибнуть в этой битве,
Коль грех его Всевышний не простил.

Пусть черви прогрызут у лодки днище,
И он уснет навек на дне морском.
А коль прощен, то пусть навек без пищи
Червь вымирает в море ледяном.

Господь его наполнил благодатью,
Очистил море от морских червей.
О чуде том известно стало братии
В среде купцов и местных рыбаей.

Вернулся в Кереть Варлаам прощенный,
И тело матушки укрылось под землей.
А сам он, как от смерти воскрешенный,
Главу окрасил ранней сединой.

Застыла на лице печать страданий,
Во взоре отрешенность и печаль.
Следы перенесенных испытаний
Вели во ада тягостную даль.

Отныне радость в мире он не видел,
Отрекся, как отшельник, от всего.
Страшился только Бога он обидеть,
И больше не боялся ничего.

Желал он все грехи свои загладить
И потому в молитве пребывал.
И одного спасения лишь ради
Он всем, к нему пришедшим, помогал.

Узнав, что силу он сейчас имеет,
Лукавых духов словом изгонять.
Его молили страшных сих злодеев
Из их жилищ и тела прогонять.

Он бесов гнал и исцелял болящих,
И страшным стал для мира темных сил.
Здесь помощь получал всяк приходящий,
Если на пользу для души просил.

На Варлаама бесы ополчались
И козни разные с наветами плели,
Но всякий раз молитвой попалялись,
И отступали темные полки.

Когда рыбак, застигнутый штормами,
На помощь Варлаама призывал,
К нему тот шел по морю меж волнами,
И утихал стихии страшный вал.

А люди, те, что были им хранимы,
Своим потомкам весть передадут.
Святым потом он станет, местнотимым,
За свой спасительный богоугодный труд.

Глава 3

Кончина аввы Трифона

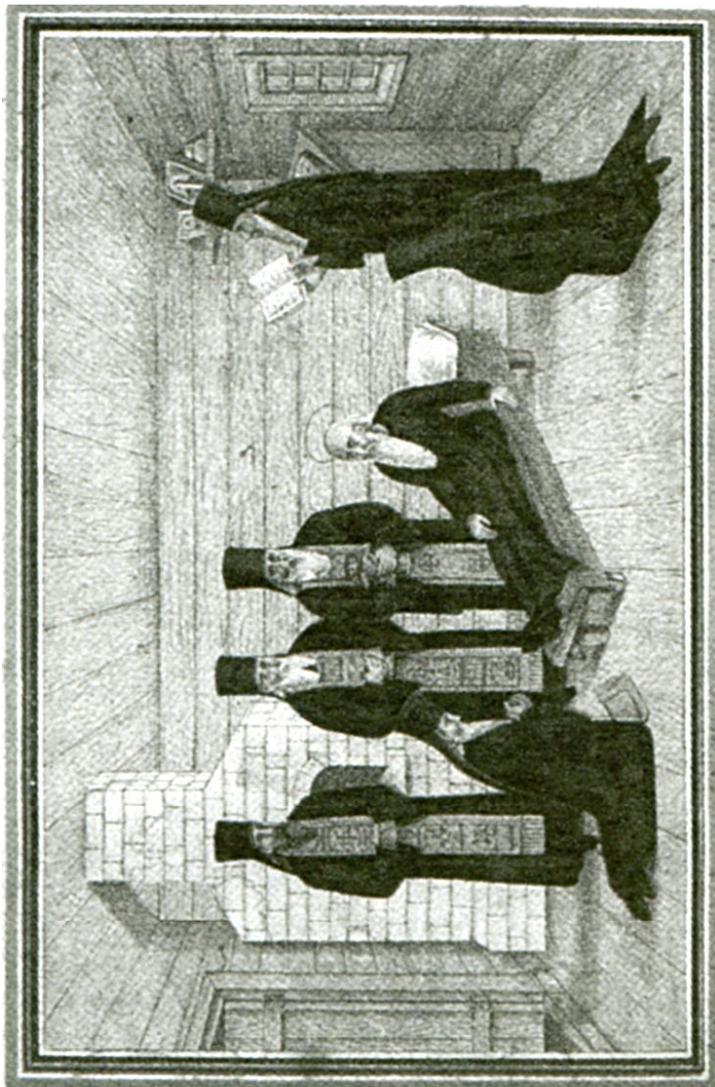
Созидатель Трифон

Миренный Трифон был всегда стяжатель.
Молитвой добродетели стяжал,
Привлек он Божьим Словом души братьий,
И монастырь спасительный создал...

Стяжал он милость царскую обильно,
Что вотчины земель, озер и рек
Обители дала рукою сильной,
Чтоб ее голод лютый не пресек,

Чтоб монастырь по праву был владетель
Богатств земных, раскинутых окрест.
Тогда всем править будет добродетель,
И осенит святой любовью Крест.

Создал он стены мощные с воротами,
Что выдержат любой напор врага,
Когда придут с разящими мечами
Те, кто сквозь шлемы прорастил рога.



Кончина прп. Трифона Печенгского, 15.12.1583

– Он был стяжатель, а не разоритель,
Он созидатель был, не словоблуд.
И потому цвела его обитель,
Что подкреплял молитву пост и труд.

Ведь точно так же Троице трудился
Игумен Свирский, постник и аскет,
Ему в виденьи сам Господь явился,
И Александр узрел Предвечный Свет...

Он строить должен был в глуши обитель,
Благословил его на то Христос.
Ему Господь был в деле вдохновитель,
Источник силы, покаянных слез.

Стяжатель – всякий иннок монастырский,
Что прилагает ум и тяжкий труд,
Запас он множит силы богатырской,
Что всех спасет, когда враги придут.

Враги – не только воины с мечами,
Врагами станут глад и лютый мор.
Когда они встают перед стенами,
Здесь не заключишь мирный договор.

Тогда труды, что братья положили,
Начнут спасать обитель, всех окрест.
Зерно, плоды доставят людям силу,
Которую Святой умножит крест.

Так пережить удастся время глада,
Молитвой победить болезни, мор.
И душ людских, не полонив для ада,
Ни с чем уйдет к себе рогатый вор.

«Разумно брать должны богатства края,
Что нам Господь по милости дает» –
Так Трифон, мудро братью поучая,
В заморский сам отправился поход.

Так возвещали летописи строки,
Как к ним «...приплыл из северных морей
Игумен Трифон из Руси далекой,
Что просветил саамов-лопарей».

Для иноземцев Трифон был игумен,
Строитель и глава монастыря.
И вывод сей понятен и разумен:
Обитель – судно, и сам Трифон у руля.

Кончина Яввы Трифона

Но вот корабль, пройдя шторма и бури,
На якорь встал, и шкипер занемог,
Приходит к Трифону тогда игумен Гурий,
И тот подводит жизни всей итог.

Так молвил Трифон братии печальной:
«Скорбеть не стоит и не надо слез.
Я путь закончу свой земной, начальный,
И в мир иной пойду, где ждет Христос.

Ничто в сем мире, так лукаво-лживом,
Не может ум ваш, братия пленять.
Молитесь, кайтесь, пока еще вы живы,
Просите, чтоб спасла вас Божья Мать.

Из тьмы греха стремитесь ко свету,
Любите, чадца, брата своего,
Не нарушайте данные обеты
И не творите злого ничего.

Хочу в Успенской пустыни лежать я,
Где тишины и благости покой.
В нужде ко мне пускай приходят братья
И говорят, как со живым, со мной.

Я помогу молитвою и делом,
Вас постараюсь оградить от бед.
Всяк, кто спросит, пусть и неумело,
Получит мысленно на свой вопрос ответ».

Сказавши это, Трифон прослезился
И молвил далее, стерев с щеки слезу:
«За вас я, братья, Господу молился
И о грядущем вам сказать могу...

Немного времени отпущено вам, братья.
Лукавых духов разъярил наш труд.
Придут потом с мечом сыны проклятья
И вашу кровь невинную прольют.

Да, разорят обитель нашу воры,
Но жезлу грешного недолго ликовать.
Разбойников Господь накажет вскоре,
А духов зла попалит благодать.

Обитель нашу Бог потом восставит,
И вновь молитвы вознесутся к Небесам.
Все ваши судьбы Сам Господь управит,
Не даст Он долго праздновать бесам».

Так предал Трифон душу в руки Божьи,
И тело старца с честью погребли.
В Успенской пустыни он братией положен,
В земле святой студеной той земли.

Заветы Трифона все исполняли строго,
Стоял пред каждым авва, как живой.
Был он предстателем за каждого пред Богом,
И был дороже, чем отец родной.



ЭПИЛОГ

В земле Заполярной процвел вертоград,
Итог трудов Трифона – иноков град:
Храм Свято-Троицкий, церкви Успенья,
Савватия с Зосимой – аввы творенье.

Дух Горнего мира спустился с Небес
На землю, в затерянный Печенгский лес.
Трудом и молитвой Христу угождая,
Спасались монахи, святым подражая.

Несли достойно тяжкий крест монахи,
Их подвиг не опишет даже стих.
И отступали мор, враги и страхи,
И даже смерть не устрасала их.

Мурманский Лазарь, Евфимий Карельский,
Дивный Душан, авва Трифон Печенгский
Шли о Христе возвестить суеверам,
Чтоб просветить лопь спасительной верой.

Так совершился их подвиг достойный.
Каждый из них славным Божьим был воином.
Светом молитвы их монастырей
Господь просвещал души грешных людей.



ЖИТИЕ СВАТОГО ПРЕПОДОБНОГО ТРИФОНЯ ПЕЧЕНГСКОГО

(из «Четы-миней» св. Дмитрия Ростовского)



Первоначальное древнее житие преп. Трифона, писанное самовидцами подвижника, пропало во время разорения Печенгского монастыря шведами в 1590 г. Но почитатели святого сохранили о нем сведения в малых книжицах и кратких записках, из которых составлено вновь житие преподобного, вероятно во второй половине 17 века.

«**П**реподобный Трифон родился и получил воспитание в пределах Новгородских, – в самом ли Новгороде, или где-либо в его области, о том не сохранилось письменного свидетельства. По устному же преданию, он родил-

ся близ города Торжка*, где и жили его благочестивые родители, принадлежавшие вероятно к духовному званию. Время рождения преподобного известно точно: оно произошло в 1495 году. Из млада святой отрок начал подражать богоугодной жизни своих родителей, с юных лет предавался постническим трудам, был кроток и милостив. Если кто-нибудь звал его с собою в храм, то он с величайшей радостью стремился туда; всегда старался он придти в храм Божий первым, и здесь благоговейно внимал Божественному пению. Семя слова Божия упало на добрую почву. Однажды отрока сильно поразили слова: «пустынным живот блажен есть, божественным речением возкриляющимся».

С этого самого часа святой Трифон твердо решил удалиться в пустыню. Он часто стал уходить для молитвы в глухие, непроходимые места: ни зима, ни зной не могли удержать благочестивого отрока; уединение пустыни не страшило, а радовало его. Родители старались удержать его, но не могли отклонить от такого доброго намерения, ибо огонь Божественной благодати ярко горел и согревал юного подвижника. Однажды, по своему обычаю, святой

* Торжек – ныне уездный город Тверской губернии, при р. Тверце, левом притоке Волги.

отрок был в пустыне и упражнялся здесь в богоугодных подвигах. Вдруг раздался глас: «Я, милующий вас, вспомнил о тебе: ступай в землю пустынную, жаждущую, где не ходил еще никто и не обитал ни один человек».*

Великий страх объял подвижника, недоумевавшего, чей голос слышал он.

«Я Иисус, – раздался вторично глас, – Которому ты служишь в пустыне сей». Святый убоился еще более и сказал: «Владыко Господи, я человек малознающий и не книжный».**

Тогда опять послышался глас: «Не дерзай противоречить. Ступай, куда Я пошлю тебя; говори, что Я тебе повелю».

После этого святой еще более стал подвизаться в добродетелях, еще чаще стал посещать храм Божий. По окончании церковного пения он уединялся в пустыню для молитвы и душеполезных размышлений. Часто он думал о чудных словах, которые он услышал в пустыне. Наконец, вразумляемый Святым Духом, он постиг, что под именем земли непроходимой, жажду-

* Трифону, как в Ветхом Завете Самуилу послышался голос Божий, повелевающий ему исполнить волю Бога.

** В то время монахи, священники и дети священников были самыми образованными людьми, Трифон же говорит о себе так, из чувства смирения.

щей понимаются язычники, жаждущие евангельского благовестия. Тогда он оставил место, где родился, и, будучи еще мирянином, направился туда, куда ему указывал Господь. И пришел он на берег Северного Ледовитого океана, в Кольскую область, на реку Печенгу. Издавна страна эта входила в состав Новгородских земель, а после падения Новгорода (в 1478 г.) перешла под власть великих князей Московских. Здесь обитали лопари. Преподобный Трифон был одиноким пришельцем в диком и отдаленном краю. Подражал Господу нашему Иисусу Христу, Который не имел где приклонить главы Своей, преподобный странствовал по реке Печенге, не имея крова и пристанища, скитался по лесам и горам, среди каменных расселин и пропастей. Часто ему досаждали нечистые духи, стараясь помешать его трудам и подвигам духовным. Но святой Трифон мужественно претерпевал все лишения и нападки бесов; часто, обливаясь слезами, он бросался на землю, молился и в сердечном умилении взывал к Создателю: «Любовь Твоя, Господи, да отженет от меня страх. Скажи мне, Господи путь, на который наставит меня десница Твоя». Кроме Господа, не с кем было сперва беседовать уединенному подвижнику.

Вокруг него обитали лопари*, народ, живший во мраке самого грубого язычества. Они почитали богами камни, утесы и горы, реки, озера, зверей и гадов; поклонялись грубо сделанным идолам и закаляли им в жертву оленей. Лопари кочевали по местам гористым или болотистым, куда трудно было достигнуть. Их бедные и грязные поселения, состоящие из шалашей, далеко отстояли друг от друга, верст на сто или более.

Встречаясь с лопарями на берегах реки Печенги, святой проповедник начал вступать с ними в беседы, желая просветить их истинной верой Христовой. Приняв вид торговца, преподобный сначала говорил с ними о предметах купли; а затем, с Божией помощью, он начал свою проповедь, обличая идолопоклонство, говорил о суетности их богов. А затем уже смело и не боязненно начал проповедовать им о Едином, в Троице славимом, Боге, рассказывать им о создании мира, о грехопадении, о том, как Единородный Сын Божий Своею крестною смертью искупил грехи всего мира, поведал им о славном Его воскресении и вознесении на небо».

* Лопари – народ финноугорского племени, живут по берегам Белого и Ледовитого океана, главным образом, на Кольском полуострове, теперь Лапландии, занимаются оленеводством.

«Своим словом он поучал всех, ревностно проповедовать о вечном царствии, о блаженстве праведников и бесконечной муке грешников. Но лопари, омраченные неверием, не внимали Божественному учению; особенно же вооружились на святого волхвы или колдуны лопарей, называемые у них «кебуны». Они вступали в препирательство с преподобным Трифоном, но, не умея одолеть его словами, словно дикие звери бросались на святого, всячески старались причинять ему зло, били, толкали его, повергали на землю, вопили, что этот странник и неведомый пришлец глумится над их богами и не чтит их; с воплем они требовали, чтобы святой Трифон тотчас же оставил их пределы, грозили ему страшными мучениями и лютой смертью. Иногда, вооружившись дреколием, они говорили между собой: «Пойдем и убьем его, ибо он поносит богов наших и обличает наши грехи».

Но Господь Бог, по слову Своему, всегда пребывал со Своим верным слугою, многократно избавляя от рук врагов, которые старались умертвить его. Хранимый Божией благодатию, преподобный иногда укрывался в горах или каменных расселинах, иногда невидимо проходил мимо своих врагов, ослепленных злобою. Затем показывался снова и безбоязненно продолжал

проповедь слова Божия дикому и грубому народу. Нередко лопари видели, как из уст преподобного, проповедующего слово Божие, исходил огонь, и дивились такому чуду. Тогда некоторые, внимая словам проповедника, стали принимать учение евангельское. Другие же с яростию кричали на благовестника: «Возьмем и умертвим его».

Но, готовые принять святое благовестие, говорили им: «Мы не находим в нем никакой вины; добру учит он нас, возвещает нам о царствии Божием, о будущей жизни, о воскресении из мертвых. Лучше оставим его. Если мы найдем на нем какую-либо вину, то тогда и убьем его».

С такими словами изгоняли своего просветителя лопари, слушавшие его проповедь. Преподобный же радовался духом тому, что подвергался ударам и поношению ради Господа.

Не мало лет ревностно трудился преподобный Трифон, благовествуя истинную веру, и с Божией помощью, огласил святым учением лопарей, живших по реке Печенге и реке Пазе*. Не было лишь иерея, который бы мог крестить их.

* Паза – река Архангельской губ., Кемского уезда на границе России с Норвегией; представляет собою сток озер Энаре (в Норвегии) и впадает в Северный Ледовитый океан.

Посему святой Трифон отправился в Новгород, взял у архипастыря Новгородского грамоту и получил от него благословение. Взял он отсюда также плотников и, возвратившись на реку Печенгу, приступил к постройке храма во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы. Сам преподобный продолжал подвигаться в добродетелях и изнурял свою плоть трудами телесными. Каждую ночь он пребывал в молитве, днем издалека носил на своих плечах бревна и тес для постройки церкви. Не оставлял он и своих апостольских трудов, но с великим тщанием утверждал в святой вере тех, которые склонялись к ней. Наконец церковь была построена, но неизвестно почему оставалась три года неосвященной. По истечении трех лет преподобный прибыл в Кольскую волость, где тогда было лишь небольшое число русских пришельцев. Они образовали поселение. Божиим промыслом в Коле преподобный неожиданно встретил священноинока Илию. Этот Илия был посылаем два раза в 1534 и 1535 годах Новгородским архиепископом Макарием* в те части епархии, которые населены были инородцами финнами,

* Макарий управлял Новгородской епархией с 1526 – 1542 гг., а с 1542 по 1563 г. Московской митрополией.

затем, чтобы разрушать их идолов и мольбища, просвещая их словом евангельского благовестия, особенно в тех местах, где христианство ранее было насаждено и проповедано, где были крещенные, отпавшие снова в язычество. Пригласив священноинюка Илию с собою, блаженный Трифон возвратился на реку Печенгу, в то место, где стояла новопостроенная церковь во имя Живоначальной Троицы. Илия освятил церковь и крестил лопарей, которые были просвещены проповедью преподобного.

В то же самое время преподобный Трифон воспринял иноческое пострижение, которое совершил над ним священноинюк Илия. Проповедь и назидания святого Трифона благотворно действовали на лопарей, прежде объятых тьмою идолослужения. Новопросвещенные от своего усердия начали приносить в церковь различные дары и клали их к ногам святого Трифона, как то было во времена апостольские. Другие же отдавали блаженному земли, озера, речные и морские угодья. Но подвижник еще с юных лет своих был нестяжателем и великим нищелюбцем. И теперь он ничего не брал себе из приносимого, но отдавал все на нужды воздвигнутой им церкви во имя Живоначальной Троицы, а за

подавания повелевал в той церкви молить Бога о здравии живых и о упокоении усопших, записывая их в помянники.

Слух о благочестивой жизни преподобного стал распространяться. К нему приходили из русских земель бельцы и иноки, желающие подвизаться под его руководством. Так образовалась обитель при церкви Живоначальной Троицы и число подвизавшихся в новой обители росло все более и более. Скоро настало оскудение в ней. Хотя новопросвещенные лопари и делали приношения преподобному, но их было недостаточно для поддержания благолепия церковного и пропитания иноков. Много трудностей пришлось перенести преподобному Трифону при устройстве обители в дикой стране. Однажды преподобный, замесив хлеб, вышел из своей келии. В это время в келлию вошел большой медведь. Опрокинув квашню, он стал есть приготовленное тесто. Возвратившись в келлию и увидев зверя, преподобный сказал: «Именем Господа Иисуса Христа повелеваю тебе: выйди из келлии и стань вот здесь смиренно». Медведь тотчас исполнил приказание и покорно стал перед келлией. Преподобный взял большую палку и нанес несколько ударов зверю, говоря: «Во

имя Иисуса Христа даю тебе удары за то, что ты сделал».

Затем он отпустил зверя, и с тех пор все было тихо в окрестностях монастыря; ни медведи, ни волки не нападали на монастырское стадо оленей. Такую силу Господь дает Своим угодникам, что даже и дикие звери повинуются им, как некогда повиновались праотцу нашему Адаму.

Однажды преподобный купил для монастырских нужд в городе Коле ручные жернова. Путь предстоял долгий и утомительный, до Печенгского монастыря было около 150 верст; дорога проходила то по болотам, то по гористой местности. Но преподобный не страшился трудов телесных. Он сам взял жернова и на своих плечах понес их в обитель. Увидев это, бывшие с ним ученики просили учителя не утруждать себя напрасно; умоляли его, чтобы он передал им свою нелегкую ношу. «Братия, – отвечивал им святой, – тяжкое бремя лежит на потомках Адама с рождения и до самой смерти. Нет, лучше мне повесить себе на шею мельничный камень, чем смущать братию своей праздностью».

Ученики дивились разумному ответу, но еще более изумлялись, видя терпение святого.

Всю дорогу преподобный Трифон нес на себе жернова, не взирая на плохой путь. К тому же подвижник ничего не вкушал во время пути, так как путешествие происходило великим постом.

Между тем число иноков в Печенгской обители сильно возросло. Руководимые святым отшельники трудились в подвигах и совершенствовались в добродетелях. Показывая пример смирения, преподобный не восхотел принять на себя управление новой обителью, но поставил для братии игуменом ученика своего Гурия*. Тяжела была жизнь иноков в отдаленной и суровой стране. Недалеко от монастыря начиналось Студеное море, большую часть года покрытое льдом. Земли у монастыря было немного, да и та была камениста и мало пригодна для земледелия. Зимой стояла великая стужа. Летом снег сходил лишь на короткое время; нередко хлеб и овощи померзали. Часто инокам приходилось переносить всякие лишения и невзгоды. Целый ряд годов погибали от морозов все овощи и посевы. Скудные монастырские запасы совершенно истощились и братии грозила голодная смерть. Тогда преподобный, взяв с собою нескольких иноков, отправился к

* Игумен Гурий управлял обителью с 1556 по 1590 гг.

Новгороду и странствовал в этой области целых восемь лет, переходя из города в город, из одного селения в другое. Именем Христовым святой Трифон собирал милостыню и отсылал ее в монастырь на реке Печенге. Так кормил он своих духовных детей и спас их от неизбежной смерти. Много страждущих и болящих исцелил в то время святой в Новгородских пределах и тем вознаграждал боголюбивых людей за их подаяния. По прошествии восьми лет святой возвратился в свою обитель и снова предался иноческим трудам.

Во время этих странствований или отдельно ходил преподобный Трифон за милостыней и в Москву. Было это во дни царя и великого князя Иоанна Васильевича*. Накануне прибытия святого в Москву, царь шел из своих палат в соборный храм Успения Богоматери к литургии. На пути вдруг предстали пред ним два благолепных инока. Царь милостиво посмотрел на явившихся и приветливо спросил их, откуда они.

«Один из нас пришел из монастыря Соловецкого, другой – просветитель лопарей и стро-

* Иоанн Васильевич Грозный царствовал от 1533 – 1584 гг. Путешествие преп. Трифона в Москву относят к 70 годам 16 столетия. Случай с приходом Трифона говорит о прозорливости русского царя.

итель церкви Живоначальной Троицы на реке Печенге, в Кольском уезде, смиренный Трифон».

После этого явившиеся стали невидимыми. Окружавшие царя бояре были сильно удивлены: они заметили, что царь с кем-то говорит, слышали его голос, но не видели, кто это беседовал с царем, спросить же его самого не осмеливались. На следующий день царь Иоанн с царевичем Феодором также шел к литургии. В это самое время к нему подошел преподобный Трифон, вместе с другим иноком из Соловецкого монастыря. Иноки смиренно подали царю свои челобитные. Царь остановился и сказал им: «Я еще вчера видел вас. Сейчас я иду к Божественной литургии. После разберу ваши просьбы».

Сказав это, царь ушел в святой храм, а благоверный царевич вошел в один из приделов, сняв с себя верхнюю драгоценную одежду и, призвав к себе одного из бояр, сказал ему: «Ступай, отдай сию одежду иноку Трифону и скажи, что царевич посылает ее в дар; пусть он сделает из нея священную одежду для богослужения».

Посланный немедленно исполнил волю царевича. Преподобный Трифон с радостью принял драгоценную милостыню и возблагодарил

Господа, вложившаго благую мысль в сердце царевича.

По окончании Божественной службы царь Иоанн Васильевич сел с боярами в своих палатах и приказал прочесть челобитные иноков. При этом он рассказал боярам, как вчера явились ему странники, которые сегодня подали челобитные.

«Мы видели их сегодня, государь, а вчера нет. Слышали мы, как ты говорил, а говорящих с тобой не видели и голоса их не слышали».

«Я с ними говорил довольно долго: как это вы их не видели?»

Царь повелел призвать к себе иноков, подавших ему челобитные. Царь спросил: «Вы ли вчера говорили со мною?»

Иноки стали отречься: «Нет, великий государь: вчера нас и в Москве еще не было. Многие могут засвидетельствовать, что мы только сегодня пришли в царствующий град».

Слыша это, царь и бояре удивились; они поняли, что пред ними стоят потаенные рабы Божии. С того времени царь особенно полюбил преподобного Трифона. Он одарил иноков, пожаловал в обитель, основанную преподобным,

колокола и церковную утварь и милостиво отпустил их.*

Святой с большой милостыней возвратился в свою обитель и с ликованием был встречен иноками и новопросвещенной паствой».

Долгое время подвизался святой Трифон и достиг маститой старости: ему уже исполнилось 88 лет. Незадолго до своей кончины он впал в тяжкий недуг. Игумен Гурий и братия, видя то, скорбели и со слезами говорили ему: «Зачем ты, отче, оставляешь нас? На кого покидаешь нас сирых?» Святой утешал и ободрял их: «Не скорбите, чада мои, и не прерывайте добрый путь течения моего! Возложите все упование свое на Господа, ибо Он никогда не оставлял меня в бедах и несчастиях. Не оставит Он и вас, собранных во имя Его; только любите друг друга и твердо соблюдайте все иноческие обеты. Уклоняйтесь от начальствования; вы знаете меня много лет: я всегда старался служить всем

* Вероятно к этому времени относится грамота, данная царем Иоанном на имя игумена Печенгского монастыря Гурия. Грамотой предоставлялось монастырю пользоваться рыбными ловлями в пяти морских губах и тем, что выбросит море – «кита или моржа или какого иного зверя, и морским берегом, землю и островами и реками и малыми ручейками, верхотинами и тонями и горными местами и пожнями и лесами и летними озерки и звериными ловищами и лопарями, которые лопари наши».

и никому никогда не отказывал, всегда у всех был в послушании. Не скорбите о том, что я оставляю вас: смерть для верующего христианина нестрашна, она доставляет ему покой. Душа человеческая подобна некоему страннику: она приходит в мертвенное тело, оживляет его и не некоторое время пребывает в нем. Но лишь только она оставляет тело, плоть наша становится прахом. Душа возвращается к Творцу, переселяется в свое отечество. Дети мои, не будем обременять души наши грехами, но станем стремиться к вечному Свету. Не любите мира, ни того, что в мире, ибо сами вы знаете, что мир во зле лежит. Еще последнюю заповедь даю вам: когда душа моя покинет сию грешную плоть, погребите тело мое в пустыне, у церкви Успения Пресвятой Богородицы, куда я часто удалялся для богомыслия и молчания».

Так назидал в последний раз святой Трифон братию. Сподобившись причастия страшных Христовых Тайн, болящий старец сел на своей рогожине. Силы уже совсем оставляли его. Вдруг игумен заметил, что преподобный прослезился. Видя это, игумен сказал блаженному: «Отче, что с тобой? Ведь сам ты запрещаешь нам скорбеть; ты говоришь, что с радо-

стью идешь к сладкому Иисусу. Так почему же ты проливаешь слезы?» «Тяжкая напасть постигнет сию святую обитель, многие погибнут от острия меча. Но не смущайтесь, уповайте на Бога, Он может возобновить обитель!»

Сказав это, святой лег на своей рогожине; лице его просияло дивным образом, и с улыбкой он предал Господу свою чистую душу. Блаженная кончина его последовала 15 декабря 1583 года. Иноки благоговейно погребли его честное тело в пустыне, где он сам указал место.*

И после своего отшествия к Господу, он не покидает всех молящихся ему; часто дивный заступник и на суше и на море оказывает скорую помощь призывающим его и с верою притекающим к его мощам».

* Храм Успения Пресв. Богородицы отстоял в 18 верстах от Печенгской обители вверх по течению р. Печенги.

Список используемой литературы

1. Энциклопедия «Печенга» (Издательство «Добросмысл», 2005 г.);
2. Свт. Дмитрий Ростовский «Четы – Минеи» (Издательство Оптиной пустыни 1993 г.);
3. Р. Скринников «Иван Грозный» (Издательство АСТ, г. Москва 2002 г.);
4. Иером. Митрофан Баданин «Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие» (Издательство Мурманской епархии, 2003 г.);
5. А. Конюшанец «Святая обитель на вершине России» (Издательство «Параклит», 2000 г.);
6. А. Нечволодов «Сказания о русской земле» (Издательство «Православная книга», 1992 г.);
7. С. Зеньковский «Русское старообрядчество» (Белорусский Экзархат – Белорусская Православная церковь при участии ООО Харвест, 2004 г.);
8. Е. Нелидова «Русь в ее столицах: Великий Новгород» (Издательство Алаборг, 2008 г.);
9. В. И. Иванов «Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в 16 – 17 веках» (Издательство Олега Абышко, 2007 г.);
10. Архим. Макарий Веретенников «Святитель Макарий митрополит Московский и архиереи его времени» (Издательство Сретенского монастыря; Издательство Московской духовной академии, 2007 г.);
11. А. Тюрин «Война и мир Ивана Грозного» (Издательство М.: Яуза; Эксмо, 2009 г.);
12. Архим. Тихон Секретарев «Врата Небесные: история Свято–Успенского Псково – Печерского монастыря» (Печоры, 2006 г., отпечатано в ГППО «Дом печати»);
13. «Свято – Троицкий Александро – Свирский монастырь: 500 лет» (отпечатано в Издательско – Полиграфическом Комплексе «НП – Принт» Санкт – Петербург, 2006 г.);
14. А.В. Каргашев «Очерки по истории русской церкви» (Белорусский Экзархат – Белорусская Православная Церковь при участии ООО Харвест, 2004 г.);

15. Н. Тальберг «История русской церкви» (Издательство Сре-тенского монастыря, 2004 г.);
16. Р. Босси «Лапландцы – охотники за северными оленями» (Москва Центрполиграф, 2004 г.);
17. А. Андреев, С. Шумов «Русский Север; от Соловков до Ва-лаама». (ООО Алгоритм-Книга, 2007 год.);
18. Игум. Митрофан Баданин «Прп. Трифон Печенгский» (Изда-тельство Ладан, Санкт – Петербург, ул. Решетникова 13, 2009 г.);
19. Иван Грозный «Сочинения» (Издательский Дом «Азбука – классика», Санкт – Петербург, 2007 г.);
20. А. Бушков «Иван Грозный – кровавый поэт» (Олма, Москва, 2007 г.);
21. Вячеслав Манягин «Правда Грозного Царя» (ООО Алгоритм – Книга, Москва, 2007 г.);
22. И. Фроянов «Грозная опричнина» (Алгоритм, Эксмо, Москва, 2009 г.);
23. А. Карпов «Сказания Русской летописи (для юных)» (Б.С.Г. – Пресс, Москва, 2005 г.);
24. О.М. Фишман «Жизнь по вере: тихвинские карелы - старооб-рядцы» (Индрик, Москва, 2003 г.);
25. «История русской святости» (Православный приход Хра-ма Казанской иконы Божией Матери в Ясенево при участии ООО «Синтагма», Москва, 2001 г.);
26. Н.И. Костомаров «Русская История» (Эксмо, Москва, 2008 г.);
27. С. Э. Цветков «Русская история» (Центрполиграф, Москва, 2003 г.);
28. «Мурман Православный» («Моби Дик», Санкт – Петербург, 2004 г.);
29. Е.Е. Голубинский «История Русской Церкви» (Издательский Дом «Грааль», г. Пушкино, Московской области, 1996 г.);
30. С.М. Соловьев «Сочинения: История России с древнейших времен» (Издательство «Голос», Москва, 1994 г.);
31. Святитель Григорий Турский, Отец Серафим (Роуз) «Vita Patrum: Житие отцов» (Издательский дом «Русский Палом-ник», Москва, 2005 г.);

32. А. Дворкин «Очерки по истории Вселенской Православной Церкви» (Издательство Братства во имя Св. Александра Невского, Нижний Новгород, 2005 г.);
33. А.П. Лебедев «История Византии» (Издательский Совет Русской Православной Церкви, Издательство «Дар», Москва, 2005 г.);
34. Е.И. Смирнов «История Христианской Церкви» (Издательство Прихода храма святых бесср.чудотворцев Космы и Дамиана, Москва, 2007 г.);
35. Йорген Вейбульль «Краткая история Швеции» (Издано Шведским институтом 1997 г., набрано и сверстано в «Песек Саппорт», Стокгольм, отпечатано в Швеции в Скуге Буктрюкери АБ, Треллеборг, 1997 г.);
36. «История Норвегии» Академия Наук СССР (Издательство «Наука», Москва 1980 г.);
37. Матти Клинге «Очерк Истории Финляндии» (Издательство «Отава», Хельсинки, 1995 год);
38. Григорий Турский «История франков» (Издательство «Центрополиграф», Москва, 2009 г.);
39. А. Широкопад. «Швеция - гроза с Балтики» (Издательство «Вече», Москва, 2008 г.);
40. А. Богданов «Мятежное православие» (Издательство «Вече», Москва, 2008 г.);
41. А.И. Леонтьев, М.В. Леонтьева «Походы норманнов на Русь» (Издательство «Вече», Москва, 2009 г.);
42. Р. Скрынников «Ермак» (Издательство «Молодая гвардия», Москва, 2008 г.);
43. «Россия 17 века воспоминания иностранцев» (Издательство «Русич», Смоленск, 2003 г.);
44. Э. Лависс, А. Рамбо «Эпоха крестовых походов» (Издательство «Русич», Смоленск, 2005 г.);
45. Н.С. Державин «Происхождение русского народа» (Издательство Белорусской Православной Церкви, 2009 г.);
46. Е.Ф. Шмурло «Курс русской истории» (Издательство «Алетейя», Санкт – Петербург, 1999 г.);
47. В. Зноско «Киевские подвижники благочестия» Т. 2 (Издательский отдел Украинской Православной Церкви, Киев, 1994 г.);

48. Н. Корольков «Сказание о преподобном Трифоне печенгском чудотворце, просветителе лопарей и об основанной им обители» (напечатано на средства прихода православной церкви св. Николая Чудотворца, г. Осло, Норвегия, 1994 г.);
49. Иларион «Слово о законе и благодати» (Издательство «Столица», «Скрипторий», Москва, 1994 г.);
50. Титмар Мерзебургский «Хроника» (Издательство «Русская панорама», Москва, 2009 г.);
51. Д. Семеник «Путеводитель по русским городам» (Издательство «Паломник», Москва, 2003 г.);
52. П. Паламарчук «Анафема: история и 20 век» (Издание Сретенского монастыря, Москва, 1998 г.);
53. М. Пселл «Хронография. Краткая история» (Издательство «Алетейя», Санкт – Петербург, 2003 г.);
54. Прот. Петр Смирнов «История христианской православной церкви» (Издательство «Православная беседа», Москва, 1994 г.);
55. Д. Райт «Иезуиты – тайная гвардия Ватикана» (Издательство «Эксмо», Москва, 2006 г.);
56. В. Бужинский «Сруб не сгорел, он все еще горит» (Издательство «Літопис», Украина, 2009 г.);
57. Александрова Т., Суздальцева Т. «Преподобный Иосиф Волоцкий и созданная им обитель» (Издательство «Северный паломник», Москва, 2004 г.);
58. В. Волков «Русская рать: богатыри, витязи и воеводы» (Издательство «Эксмо», «Алгоритм», Москва, 2005 г.);
59. Преп. Иосиф Волоцкий «Просветитель» (Издание Иосифо – Волоцкого ставропигиального мужского монастыря, 2006 г.);
60. ПЛДР (конец 15 – первая половина 16 века) (Издательство «Художественная литература», Москва, 1984 г.);
61. Н. Пронина «Правда об Иване Грозном» (Издательство «Яуза», «Эксмо», Москва, 2009 г.);
62. Курбский А. «История о Великом князе Московском» П.Л.Д.Р. Москва. 1986 год.
63. Иеромонах Митрофан Баданин. «Житие Преподобного Феодорита, просветителя Кольского» (Издательство «Ладан», Изд-во Мурманской епархии. 2006 год).

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Предисловие	5

ИСТОРИЯ ВЕЛИКИХ ПОДВИГОВ И ЖЕРТВ

Часть первая

Миссионеры Севера

Уроки истории	15
Спорные земли	17
Валаам - истоки православной веры	21
Преподобный Кирилл Челмогорский	24
Преподобный Лазарь Мурманский (Олонецкий)	25
Преподобный Евфимий Карельский	27
Преподобный Александр Свирский	33
Благочестивый Душан	35
Методы просвещения	38

Часть вторая

Житие преподобного Трифона Печенгского

Западное влияние	43
Лукавый князь - изменник	47
Глас Господень	54
Ловушки мудрования	61
Лукавые плоды философии	66
Начало подвига	70
Строительство обители	74
Почему Трифон не принял священнического сана	76
О Святом причастии Трифона	80
По стопам Сергия Радонежского	81

Труды преподобного Трифона	83
Нападения шведов на Трифонов монастырь	84
Нападение шведов на Соловецкую обитель	87
Хождение Трифона к царю Иоанну Грозному	90
Многолетнее хождение Трифона	93
Оборона монастырей монахами	95
Освоение Кольского Севера Строгановыми	98
P.S.	103

СКАЗАНИЕ О ТРИФОНЕ ПЕЧЕНГСКОМ

Часть первая

Житие преподобного Трифона Печенгского

Глава 1. Монах Трифон	110
Призвание Господом Митрофана	110
Искушения Трифона	114
Подвиг апостольский	119
Монастырь Святой Троицы	123
Глава 2. Авва Трифон	130
Чудеса и подвиги Трифона	130
Нападение шведов	133
Подвиг Соловецкого монастыря	142
Хождение в Москву к царю Ивану Грозному	147

Часть вторая

Монах Иона-Росомаха

Глава 1. Богатырь Евпатий	153
Воин Евпатий	153
Подвиг Евпатия	157
Глава 2. Послушник Трифона	164
Монах Иона	164

Монах Иона Росомаха	172
---------------------------	-----

Часть третья

Кольские старцы

Глава 1. Старцы Трифон и Иона	176
Трифон Печенгский	176
Старец Иона	178
Глава 2. Преподобный Варлаам	181
Грех священника Варлаама	181
Искупление Варлаама	184
Преподобный Варлаам Керетский	187
Глава 3. Кончина аввы Трифона	191
Созидатель Трифон	191
Кончина Аввы Трифона	195
Эпилог	198
Житие святого Преподобного Трифона Печенгского (из «Четгы-миней» св. Дмитрия Ростовского)	199
Список используемой литературы	217

Протоиерей Сергей Платунов,
В.С. Платунов

СКАЗАНИЕ О ТРИФОНЕ ПЕЧЕНГСКОМ

Издание второе, переработанное и дополненное

Подписано в печать .02.2011.
Бумага офсетная. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,5
Тираж экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии ООО «ЛОГОС Плюс».
180004, г. Псков, Октябрьский пр., д. 50; тел. 79-37-24.